

В. Ракитянский

**ПРИЮТ
ОДИННАДЦАТИ**

одна война - два героя - одна судьба

Вячеслав Ракитянский

Приют одиннадцати

<https://litres.ru/73056213>

SelfPub; 2026

Аннотация

СССР, лето 1942 года.

Павел, целитель-самоучка, несправедливо осуждён и сослан в лагерь. Ему удаётся бежать через Кавказ, но в горах в нём просыпается тёмный дар — древнее знание, дающее власть над жизнью и смертью. Чем чаще он пользуется этой силой, тем страшнее становится её влияние.

Недалеко от отеля «Приют Одиннадцати» Павел встречает офицера СС Манфреда, выполняющего секретную миссию «Аненербе». Их случайная встреча становится началом событий, которые спустя десятилетия поднимут на поверхность забытый нацистский проект.

Германия, 2005 год.

В 2005 году Манфред чудом выживает в таинственной аварии, но его прошлое стёрто. Видения, что преследуют его, — не его собственные. Они принадлежат человеку, удивительно похожему на него и связанному с войной.

Преследуемый неизвестными, охотящимися за утерянными записями Августа Хирта, Манфред отправляется в опасное

путешествие, где переплетаются прошлое и настоящее, чтобы раскрыть правду о себе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	61
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Вячеслав Ракитянский

Приют одиннадцати

Глава 1

Германия, Земля Северный Рейн – Вестфалия, автобус на отрезке Леверкузен – Кёльн. 2005 год.

За мостом через Рейн, в том месте, где дорога делает крутой поворот в сторону Кёльна, водитель автобуса не справился с управлением. Двухэтажный монстр несколько раз качнулся из стороны в сторону и тяжело завалился на бок. Скорость была высокой, автобус ещё сотню метров протащило по мокрому асфальту и выбросило на обочину.

Через несколько минут на место аварии прибыли машины скорой помощи, полицейские, спасатели и пожарные. Последние оказались как нельзя кстати: взрыва не было, но перевернувшийся автобус все-таки загорелся из-за утечки топлива.

Оставшихся в живых перевезли в Университетскую клинику Кёльна. Те, кому повезло меньше, остались лежать на обочине, обёрнутые в чёрные пластиковые саваны.

Среди тех, кто сейчас ехал в клинику был высокий, худощавый молодой человек с обветренным загорелым лицом и блуждающим взглядом. Ещё до приезда полиции и волонтеров парень помог выбраться из дымящегося автобуса нескольким пассажирам. Нырнул в горящий салон не задумываясь, на автомате, словно делал это не в первый раз.

Казалось, парень с трудом воспринимал происходящее, что легко объяснялось перенесённым стрессом. Молодого человека можно было принять за военного, но выправка, выносливость и способность принимать быстрые решения резко контрастировали со щетиной на лице и длинной свалывшейся шевелюрой. К прочим особенностям, или скорее к странностям можно было отнести и его старомодный наряд: куртка допотопного покроя, потёртый свитер и широченные шаровары защитного цвета, заправленные в шерстяные гетры. На одежде не было заметно следов крови, на лице и руках – ни одной царапины.

Парня здорово знобило. Когда он забирался в карету скорой помощи, один из санитаров набросил ему на плечи плед. Всю дорогу до Кёльна молодой человек сидел, обхватив голову руками, и почти не отрывал взгляда от своих армейских ботинок. Изредка поглядывал в окно, изучая безрадостный зимний пейзаж. В эти моменты в его взгляде читались страх и удивление. Он явно не понимал, где находится и что происходит.

Молодой человек лежал в отдельной палате и сбивчиво отвечал на вопросы медперсонала. При первом осмотре выяснилось, что пациент отделался только лёгкими ушибами. На вопросы врача: «Ваше имя, пожалуйста... где вы живёте... есть ли у вас родственники?» молодой человек ответил, что не знает своего имени. Откуда он родом, куда ехал, и как попал в автобус, он не мог сказать. Помнил только то, что произошло с ним сразу после аварии. С той самой минуты, когда разбитые стёкла, дорожная пыль и крики пассажиров заполнили салон автобуса, память обрывалась, словно плёнка в кинопроекторе. Резко, без предупреждения, живая картинка катастрофы сменялась абсолютной пустотой, белым светом, вакуумом. На смену крикам о помощи приходила тишина.

У парня не было ни денег, ни документов. Ровным счётом ничего, что могло рассказать о его личности или роде занятий. Оставалось надеяться, что при осмотре места аварии полиция найдёт паспорт или водительское удостоверение. По крайней мере, на документах должна быть его фотография, личность его станет известна, о нём сообщат родственникам, а дальше... для начала, хотя бы это.

Врачи вышли из палаты. Оставшись в одиночестве, молодой человек почувствовал страх. Испугался, что неизвестность сейчас накроет и эти, первые часы после катастрофы. Реальность и вправду отступала, белым туманом заволоч-

ло место аварии, дорогу сюда – в Кёльн. Парень старался подробно восстановить в памяти детали: горящий автобус, приезд полиции, осмотр, разговоры с эскулапами, их имена на бейджиках, пытался зацепиться хоть за что-то.

Ему удалось оживить картинки, вспомнить обрывки фраз. «Возможно, потеря памяти – следствие удара головой или пережитого шока...» Внешний осмотр и томография не показали отклонений. Не было ни гематомы, ни болей, ни слабости или тошноты. «Ретроградная амнезия, – сказал врач. – Небольшое сотрясение, скорее всего, спровоцировало. Пройдёт со временем».

Последние часы обрели плотность, собрались в единое целое. Теперь можно попробовать продвинуться дальше, но все усилия оказывались напрасны – опять эта белая непроницаемая стена. Парень не мог сказать, женат он или нет, есть ли у него дети... каким было его детство, как выглядят родители, где находится его дом. Странное и пугающее чувство, словно его выдернули из другого мира и поместили в среду, о которой он не имел ни малейшего понятия. «Пройдёт со временем», – повторил он слова врача.

Продолжая размышлять о последних событиях, молодой человек закрыл глаза. Страх неизвестности отступил, теперь его придавила дикая усталость.

***

Он проснулся от шума и увидел в дверях палаты медсест-

ру. Бледную и худую. Её тощие запястья и лодыжки взывали к состраданию. Тонкие губы, старательно подведенные карандашом, не казались чувственными и пухлыми. Наоборот, её нарисованный рот в сочетании с бледным лицом, выглядел нелепо.

Молодой человек посмотрел на часы. С того момента как он заснул, прошло не более получаса.

– Хорошо, что вы проснулись, – с наигранной радостью сказала сестра, как будто это не она секунду назад громко хлопнула дверью.

Парень невнятно пробурчал в ответ, недовольный тем, что его разбудили. Он отвернулся к стене и закрыл глаза, но тут сестра произнесла фразу, которая мгновенно прогнала сон и усталость.

– К вам посетитель. Конечно... если вы не в состоянии... – худышка остановилась на полуслове, выдерживая паузу. Её дребезжащий голос стал ироничным и даже злым. Казалось, ещё немного и она презрительно фыркнет.

– Что вы сказали? Посетитель? – пациент рывком сел на кровати, – конечно, в состоянии. Он где? Здесь?

– Внизу, в вестибюле.

Сестра по селектору связалась с дежурным и назвала номер палаты. Подошла к столику и поменяла местами графин и вазу с герберами. Можно подумать, что именно ради этого действия она поднималась в лифте на третий этаж. Это было

довольно мило с её стороны, если бы не раздражение, сквозившее буквально в каждом жесте.

– Он кто, родственник? – спросил пациент.

– Нет, но он сказал, что знает вас.

«Хоть что-то проясняется», – обрадовался парень, встал с постели и накинул халат. Ему совсем не хотелось выглядеть больным, и уж тем более беспомощным перед посетителем, кем бы он ему не приходился.

Молодой человек умылся, привёл в относительный порядок шевелюру, и критически оглядел себя в зеркало. Вполне цветущий вид, если не брать в расчёт больничный халат и тотальную амнезию. Он уже хотел отойти от зеркала, но в последний момент ещё раз взглянул на своё отражение. Оно показалось ему непривычным, чужим.

***

В палату вошел невысокий смуглый мужчина с темными, близко посаженными глазами и короткой бородкой. Ничего особенного, если не считать синей спортивной сумки через плечо, которая совершенно не сочеталась с его строгим костюмом.

Посетитель не показался молодому человеку даже мало-мальски знакомым. А он надеялся, что один только вид незнакомца разрушит белую стену и воспоминания нахлынут сами собой. Парень прислушался к себе. Абсолютная пустота. Ничего не ёкнуло, не приоткрылось, никаких пережи-

ваний, ассоциаций. Как и прежде, куцые воспоминания откатились до момента удара автобуса об асфальт и остановились. Молодой человек был подавлен. Появление незнакомца не заставило вращаться заклинивший механизм памяти. Оставалось надеяться, что эта встреча прольет хоть какой-то свет на прошлое, или подскажет, в каком направлении следует двигаться. Возможно, что гость сейчас сам расскажет всю историю.

Посетитель протянул смуглую руку.

– Ракеш.

Парень посмотрел на белёсую ладонь незнакомца, не его тонкие пальцы и спрятал руки за спину.

– Угу, давно не виделись.

– Ценю ваш юмор, – ответил посетитель и дружелюбно улыбнулся.

– Говорят, что мы знакомы. Это так?

Ракеш указал на стул.

– Можно я присяду. С самого утра сегодня на ногах.

Парень кивнул. Ракеш поставил на пол спортивную сумку, и они сели за столик друг напротив друга. Молодой человек более внимательно рассмотрел посетителя. Карие с искринками глаза, тёмные волосы и смуглая кожа говорили о том, что он не местный. По крайней мере, незнакомец сильно отличался от светловолосых и бледных врачей, медсестёр и полицейских. Парень не хотел первым начинать разговор, боялся показать свою заинтересованность. В то же время он ви-

дел, что и Ракеш несколько растерян. Безусловно, тому было о чём рассказать, но как это часто бывает при переизбытке информации – непонятно с чего нужно начинать.

Важный разговор сродни классической музыке: продуманное вступление, яркая и запоминающаяся суть и логичное завершение. Выпадет хоть одна из составляющих, тогда и музыка, и беседа превратятся в хаос, поток ничего не значащих звуков. А пустопорожний трёп похож на балаганную эстраду. С любого момента можешь начать слушать, и так же внезапно отключиться – ничего не потеряешь, разве что время сэкономишь. Наверное, поэтому Ракеш медлил. Прошла минута или больше, прежде чем он решился заговорить.

– Давайте я начну с главного. Я хорошо вас знаю. Знаю всю вашу жизнь до сегодняшнего... – посетитель немного замялся, но, подобрав нужное слово, продолжил, – происшествия, скажем так.

– Может, поделитесь? Вкратце, хотя бы.

– Не сейчас, – ответил Ракеш. – Сегодня есть более важные дела...

– Да ну?! – перебил его пациент.

Он с трудом сдержался, чтобы тут же не выставить посетителя за дверь.

Оказывается, у него есть гораздо более важные дела, чем понимание того, кто он есть на самом деле! Вот это новость! Парню показалось, что гость просто издевается над ним или шутит. Ну конечно шутит. Сейчас Ракеш встанет из-за стола,

похлопает его по плечу и скажет – «Дружище, да это же я! Не переживай, сейчас всё тебе расскажу, какие проблемы!». Вместо этого посетитель ещё раз произнёс начало последней фразы, как будто издевался.

– Не сегодня... времени у нас мало, а успеть нужно многое.

– У кого это – у нас?

– Скоро вы всё узнаете. А пока я предлагаю вам небольшую сделку. Ради вашего же блага.

Парень хмыкнул. Почему не поучаствовать в этой игре, если цена будет не слишком высока? К тому же очереди из желающих освежить его память за дверью не наблюдается. Что остается делать? Может, гость не врёт и действительно многое знает о нём, а сейчас просто цену набивает? Наверняка Ракеш имеет свои мотивы, только ему одному известные.

– Что за сделка? – спросил парень.

– Информация о вас в обмен на ваше полное доверие. Если вы согласитесь точно выполнять все мои инструкции, то в ближайшее время будете знать о себе всё. Вы готовы меня выслушать?

Парень кивнул и сделал вид, что готов выслушать кого угодно, на каких угодно условиях. Ракеш кивнул в ответ и продолжил:

– Вам необходимо как можно быстрее покинуть клинику. Не сегодня-завтра вас найдут. Вас уже ищут, и когда...

– Послушайте, я не совсем понимаю, о чём вы толкуете. Кто меня ищет? И зачем? Полиция, может быть? Я что – убийца? Налётчик?

Чтобы успокоить нервного собеседника, Ракеш раскрыл один, но, как выяснилось, очень важный козырь. Он произнёс фразу, сделав ударение на последнем слове:

– Не задавать лишних вопросов, одно из условий нашего договора, Манфред.

Услышав имя, молодой человек вздрогнул. Манфред! Его действительно зовут Манфредом. На долю секунды белая стена исчезла, и он различил яркие картинки, всплывшие перед глазами: заснеженные вершины гор, почти чёрное небо и такие же тёмные скалистые гребни, торчащие из-под снега. Парень даже поёжился от холода, настолько реальными были видения.

Одновременно с этим пришло осознание, что посетитель – кем бы он ни был – действительно знает о нём довольно много, а возможно и всё. Раз уж одно только имя, произнесённое вслух, смогло оживить его память.

Ракеш молчал, предоставив Манфреду возможность справиться с нахлынувшими эмоциями.

Парню казалось, что ещё одно небольшое усилие, и он начнёт вспоминать всё больше и больше, толчок уже дан, нужно всего лишь раскачать маховик. Он поднял руку, давая понять собеседнику, чтобы тот не мешал. Но ничего больше вспомнить не удалось, на секунду накрывшие Манфреда

воспоминания, также быстро и растворились. Понимая, что парень готов слушать дальше, Ракеш продолжил:

– Сегодня вечером вы сядете на автобус, идущий до Франкфурта. Можно добраться на такси или поездом, но автобус будет безопаснее.

Сказав это, он посмотрел на Манфреда. Тот улыбался, вспоминая сегодняшнее происшествие на трассе. «Да уж, куда безопаснее, чем на такси», – подумал молодой человек. Сообразив, что Ракешу не до шуток, Манфред перестал улыбаться.

– Я говорю о безопасности иного рода.

– Я понял.

– Во Франкфурте вы остановитесь в отеле «Сенатор». Там на ваше имя уже забронирован одноместный номер. Отель неприметный, вас вряд ли там станут искать, и ещё... В Сенаторе есть дополнительный выход на боковую улицу. Так, на всякий случай...

Манфред слушал, и его не покидало ощущение, что он, помимо своей воли, ввязался в какую-то неприятную и опасную авантюру.

Кто этот незнакомец, пытающийся за информацию получить его полное доверие? Мошенник, слоняющийся по больницам в поисках несчастных, потерявших память? Ну да – имя назвал – появились картинки прошлого. А назови он другое имя, что тогда? Вполне возможно, реакция была точ-

но такой же. Может, припугнуть его? Сказать, что прямо сейчас он сдаст его полиции. И пускай они разбираются с Ракешем. А заодно и с теми, кто якобы на него, Манфреда, охотится. Если они вообще существуют.

Понимая, что потерял нить разговора, Манфред жестом попросил собеседника остановиться. Ему нужно какое-то время, чтобы собраться с мыслями, взять тайм аут. Манфреду было неприятно чувствовать себя подопытным кроликом, которого заставляют отплясывать за кусок морковки.

– Послушайте, Ракшен... или как вас?

– Ракеш.

– Да, Ракеш. А если я сейчас спущусь вниз и вызову полицию? Как вам такой поворот? И вы будете уже им рассказывать про тайную организацию, интересующуюся моей скромной персоной. А я посмеюсь.

– У вас под правой лопаткой след от пули, – внезапно сказал Ракеш, – шрам давно зарубцевался и почти не виден. Но если присмотреться...

«Сколько же у него ещё козырей? Может, не так уж и много... Он ими не очень-то и разбрасывается» – подумал Манфред.

Он встал и, не сводя глаз с Ракеша, подошёл к зеркалу. Ослабил пояс, оттянул борт халата и посмотрел через плечо в отражение. Над поясницей виднелся еле различимый рубец.

– Вот чёрт! Откуда это?

– Если я вам скажу, вы всё равно мне не поверите. Так что вызывайте полицию и делайте то, что вам подсказывает ваша интуиция, раз уж память отказала. Я ещё кое-что могу вам рассказать, но уже не о прошлом, а о будущем.

– Рассказывайте, что там ещё...

– У вас скоро начнутся приступы головной боли, что-то вроде вспышек. Они будут возникать внезапно и довольно часто. Со временем вспышки уменьшатся, пока не прекратятся совсем. И ещё... Те, что придут за вами после меня, церемониться не станут, имейте это в виду. Насколько я знаю, живой вы им не нужны. А они придут, уж в этом я уверен на все сто. Так что я посоветовал бы вам убраться отсюда, и чем раньше, тем лучше. И постарайтесь уйти незамеченным. В центральном фойе всегда много посетителей, и среди них наверняка есть те, с кем вам лучше не встречаться.

Ракеш поднялся, подошел к окну и посмотрел в щель между занавесками. Вернулся и сел на прежнее место.

– А вот окно третьего этажа – это не так уж и высоко, если разобраться. Особенно для вас.

– Что вы имеете в виду?

– Всему своё время.

Манфред затянул пояс на халате и сел напротив Ракеша. Особенных доводов в словах незнакомца он не уловил, но сказано всё это было более чем убедительно. Никакого волнения в глазах и жестах Ракеша заметно не было, полиции он явно не боялся. Казалось, ему всё равно – поверит Манфред

или нет, вызовет полицию или согласится на сделку. Иногда гораздо важнее не что мы говорим, а как – с какой интонацией и напором.

– Хорошо. Скажите откуда у меня шрам, и я готов сотрудничать.

– На сегодня информации достаточно. А пока – вот это...
Ракеш достал из кармана пиджака конверт и положил его на стол перед молодым человеком.

– Паспорт и водительское удостоверение я передам вам завтра, просто у меня не было вашей фотографии.

Манфред недоверчиво посмотрел на собеседника, взял в руки конверт и, встряхнув, высыпал содержимое на стол. Перетянутая резинкой пачка банкнот, ключ от гостиничного номера, медицинская страховка на имя гражданина Германии Манфреда Фишера. Молодой человек повертел в руках карточку и уставился на посетителя.

– Это моё имя?

– Нет, ваше полное имя Манфред Фредерик фон Лист.

– Почему Фишер?

– Под этим именем вас в Германии ни одна собака не найдёт.

– Да что вы несёте?! От кого мне прятаться!

– Это всё, что я могу для вас сделать, Манфред.

– Ну, хоть что-нибудь ещё... Я же вообще ничего не понимаю... не помню, черт!

– Хорошо. Я приберёг это напоследок. Скажите, что это?

Ракеш вытащил из кармана игральную карту и положил её на стол перед парнем.

– Восьмёрка пик, – едва взглянув на карту, ответил Манфред, – к чему это?

– К тому, что всё не так безнадежно, господин Лист. Это один из самых простых тестов. Вы ничего не помните, однако, совершенно правильно назвали масть и достоинство карты. Думаю, что и партия в покер не составит для вас большого труда. Разве вас самого это не удивляет? Собственно говоря, тест был больше для вас, нежели для меня... для вашего спокойствия, скажем так.

Ракеш посмотрел на часы, встал из-за стола, попрощался и, уже выходя в коридор, бросил через плечо:

– Чем скорее вы покинете госпиталь, тем лучше. Я вас предупредил, остальное – за вами.

Как только за Ракешем закрылась дверь, Манфред собрал содержимое конверта со стола и запихнул в карман халата.

«Чертовщина какая-то», – подумал он и тут заметил, что Ракеш забыл свою спортивную сумку. Она лежала на том же месте, где он её и оставил – под столом, у самой стены.

– Вот дьявол!

Манфред схватил сумку, подошёл к двери, рванул на себя и выглянул из палаты.

Подсвеченный холодными люминесцентными лампами коридор был пуст.

***

Вечером в палату к Манфреду вошёл тот самый эскулап, который принимал участие в утренней суматохе. Вернее, не вошёл, а вкатился. Абсолютно лысый и круглый, как шар, доктор остановился возле койки Манфреда.

«Доктор Герберт Хейтель», – прочитал Манфред на бейджике, приколотом к халату.

Герберт поправил очки и улыбнулся.

– Как самочувствие?

Врач сел напротив и пристально посмотрел на пациента. Только врачи и следователи имеют способность к таким циничным и вместе с тем заинтересованным взглядам. Даже абсолютно здорового или невиновного человека они могут заставить паниковать.

– Самочувствие – вполне. Можете освободить моё место, – молодой человек похлопал ладонью по больничной койке, – у вас наверняка есть те, кто нуждается в лечении гораздо больше меня, так?

– Не совсем. Я ещё раз просмотрел вашу историю болезни... – доктор Хейтель почесал кончик носа и слегка замялся. – У вас довольно сильная гипоксия.

– Что это?

– Кислородное голодание. Такое ощущение, что вы не далее как сегодня утром покоряли Монблан. К тому же, ваша амнезия...

– А с ней что не так?

– Дело в том, что люди с такими симптомами часто ведут себя неадекватно. У них нарушена ориентация, они раздражительны, или наоборот – сонливы... бывают довольно сильные психические расстройства. Да и потеря памяти чаще всего носит фрагментарный характер.

– К чему вы клоните, доктор?

– К тому, что ничего этого не наблюдается.

– Я спал, разве нет?

– Это не то. Это обусловлено обычной усталостью. Я говорю о сонливости иного характера...

– И?

– ...вы либо симулируете, что вряд ли, либо... – доктор снова замялся и поправил очки.

– Либо что?

– Нетипичные, довольно редкие симптомы... Я бы попросил вас задержаться в клинике. Скажем так – мне ваш случай интересен. Я бы хотел...

Манфред внезапно вспомнил о пиковой восьмёрке. Она представилась ему оплотом и защитой. Он сможет. У него хватит сил справиться со всем самостоятельно. Без помощи врачей и прочих помощников, включая Ракеша. Манфред решил, что сам разберется и с гипоксией, и с амнезией. Ещё не хватало, чтобы на нём изучали «интересные случаи».

– Могу вас разочаровать, – сказал он. – Я уже кое-что вспомнил.

– Неужели?

– Ну, да – имя... Меня зовут Манфред Фишер. Приятно познакомиться, герр доктор.

Герберт рассеянно пожал протянутую руку. Манфреду даже показалось, что Хейтель действительно разочарован.

Не поймёшь их, врачей этих. Казалось бы, радуйся, если больной пошёл на поправку – память у него восстанавливается. Так нет, интересный клинический случай ему важнее чужого здоровья. Нужно успокоить старика, – подумал парень.

– Не переживайте вы так.

– Да я собственно... – растерялся эскулап, но Манфред не дал ему договорить.

– Память моя не восстановилась, герр доктор. Полчаса назад у меня был посетитель... школьный приятель. Он обо всем и рассказал. Так что...

– Странно. Дежурная сестра сообщает мне обо всех посетителях. Должна сообщать, по крайней мере. Чёрт знает что... Когда, вы говорите? Посетитель когда был?

– С полчаса, примерно. Как раз сестра мне и сообщила. У неё и спросите. Худая такая... Она при мне связывалась с регистратурой. Так что там насчёт выписки, герр Хейтель? Могу я получить обратно свои вещи? Я хотел бы сегодня же покинуть клинику, а рассчитаться могу прямо сейчас.

– Мне кажется, что вам лучше остаться до завтрашнего утра. А там посмотрим. Об оплате не переживайте. Земель-

ный комитет и транспортники взяли на себя все расходы. Вина водителя, так что платы не нужно.

– Довольно любезно с их стороны.

***

Доктор Хейтель вышел из палаты и спустился на первый этаж. Прошёл к прозрачной стойке регистратуры. Вид у него был достаточно грозный, поэтому молоденькая сестра, ещё издали заметив доктора, поднялась со стула. Подойдя ближе, Хейтель обрушил на несчастную накопившееся раздражение.

– Где дежурная сестра? Вы же знаете правила! Какого дьявола вы тут все делаете?! Почему не доложили о посетителе в двести сороковую? Я вас спрашиваю?

Девушка залилась румянцем и показала рукой куда-то за спину доктора. Хейтель развернулся. В их сторону шла та самая сестра, которая днём сообщила Манфреду о посетителе. Держалась она при этом невозмутимо и самоуверенно. Эта самоуверенность особенно раздражала Хейтеля. Но на этот раз это ей с рук не сойдёт. Он открыл было рот, чтобы повторить свою тираду, но сестра его опередила.

– Я не успела вам сообщить, доктор. Посетитель только что поднялся наверх. Я пыталась найти вас, а потом мне нужно было в ординаторскую и в сто двадцать седьмую...

– Как это – только что? Какой посетитель?

– Из полицейского управления. Минут пять назад. При-

шёл, показал удостоверение... пациентом, мол, полиция интересуется.

– Полиция? А тот? Тот, который, днём приходил. О нём почему не доложили?

– Днём никого не было, доктор.

Дежурная сестра перегнулась через стойку и взяла журнал регистрации. Пролистала несколько страниц и, остановившись на одной, показала запись Хейтелю. Доктор уставился на строчки поверх очков. Сестра ещё раз переспросила врача:

– В котором часу? Днём, вы говорите? Не было никого в двести сороковую... Вот, посмотрите.

– Чёрт знает, что такое! – в сердцах бросил доктор Хейтель, развернулся и направился по коридору.

***

Полицейский поднялся в лифте на третий этаж клиники, вышел в фойе и прислушался. Вечерний обход уже закончился, поэтому никого из персонала на верхних этажах скорей всего не было.

Мужчина медленно пошёл по коридору, рассматривая таблички на дверях и стараясь ступать как можно тише. Остановился перед закрытой дверью с надписью «Ординаторская», достал из кармана связку отмычек и меньше минуты возился с замком. Когда механизм замка сработал, полицейский спрятал связку в карман и скрылся за дверью. Вклю-

чил свет, осмотрелся и удовлетворенно хмыкнул. Всё, что ему необходимо находится здесь, в этой комнате.

Полицейский открыл стеклянный шкаф и достал с полки металлический судок. Вытащил из кармана небольшую склянку с жидкостью, встряхнул. Прищурившись, посмотрел через неё на потолочный светильник. Освободив от упаковки одноразовый шприц, мужчина набрал в него жидкость из склянки и положил в судок.

Полицейскую фуражку и китель, он поменял на зелёный врачебный халат и такого же цвета шапочку. Взял в руки судок, вышел в коридор и направился к палате под номером двести сорок.

Глава 2

СССР, Северный Кавказ, Пятигорск. Сентябрь 1939 год.

Анна с самого утра почувствовала лёгкое недомогание. Отказалась от завтрака, в обед поклевала немного, а к вечеру её рвало. Появившиеся ещё год назад симптомы то затихали, то с новой силой скручивали в агонии её исхудавшее тело.

– Прямо не рвота, а гуща какая-то кофейная, – полушёпотом сказала Зинаида.

Старушка дотронулась рябой рукой до плеча зятя. Тот сидел за столом, как был – в форме. Даже не переоделся с дороги.

Облокотился на стол и спрятал лицо в ладони. Видать слёзы скрывал, только плечи слегка подрагивали. Любил Анну. Четвёртый год как женат, а всё одно – ни дня без неё прожить не мог. И она перед ним, как барвинок стелилась, да вот только не оказалась такой же живучей.

– Может, за фельдшером послать? – тихо спросила тёща, хотя и знала, что это бесполезно.

Все предыдущие разы, тот шумно входил, кидал куда попало своё драповое пальто, смеялся, говорил, что ничего страшного, мол, всё проходит, пройдёт и это. Не прошло.

Становилось всё хуже и страшнее. Анна чахла, кожа её сделалась жёлто-синюшной, как у курицы, а вокруг глаз как будто синильником вымазано. Алексей и в Москву, и в Ригу её возил осенью, да всё без толку. Ничего не помогало. Иной раз полегчает Анне, так вся родня сразу вспоминает слова местного фельдшера Козлова. «Пройдёт и это», – говорили друг другу. Может, и вправду пройдёт? Порою слова обладают удивительной способностью. Они успокаивают и лечат. Но только в том случае, если человек сам верит в их силу. Если же веры нет, то дела идут всё хуже и хуже, и те же самые слова, что окрыляли и давали надежду, начинают раздражать. Последние месяцы никто в семье уже не пытался приободрить Анну, да и ей самой не хотелось слушать пускай и сладкую, но ложь. Всё чаще она оставалась один на один со своей болезнью.

Зинаида снова тронула зятя за руку.

– Так что?

Алексей убрал ладони от лица. Взглянул на тещу стеклянными от безысходности глазами.

– Что?

– Я насчёт врача. Вениамина Павловича позвать?

Майор только рукой махнул. Хотя и понимал – нужно что-то делать, ведь не оставишь, как есть. А что делать? Всё, что было в его силах и в его власти, он уже сделал. Но смириться и ждать он тоже не мог. Встал из-за стола и, до скрипа продавливая половицы, прошёлся по комнате. Сначала в одну

сторону, затем обратно.

Подумать только – весь город у него в руках, вся власть. Скольких оборотней на чистую воду вывел, скольких бандюг на этап поставил, а справиться с болезнью жены не может. И что это за болезнь такая, чёрт бы её побрал, которую вылечить нельзя?! Паулс Страдиныш в Риге объявил Анне страшный диагноз, как приговор – рак желудка. И тот ничем помочь не смог, а ведь светила, не чета местному коновалу, Венечке Козлову.

– Алексей Петрович, может Пашку тогда? – не унималась старушка. – Вы его хоть и не считаете за серьёзного, но ведь люди говорят, что он не одного на ноги поставил...

– Кого! Пашку? Этого шарлатана? Руки у меня до него ещё не дошли.

Майор сжал ладонь в кулак и потряс им в воздухе. Как будто Пашка Завьялов был виноват в том, что его жена умирает сейчас в соседней комнате. Зинаида испуганно и уважительно следила за зятем, но продолжала своё:

– Егора вон хотя бы взять... Чуть богу душу не отдал в прошлом году, когда спьяну замёрз. Ногу хотели резать, а Пашка вылечил.

– Егора? – передразнил Алексей, – Егору вашему туда и дорога. Он что с ногами, что без, один чёрт – туняец и вор.

Майор резко развернулся и прошёл к двери, что вела в комнату больной. Задержался на секунду, как будто с духом

собирался. Дёрнул за латунную ручку и скрылся за дверь. Зинаида проводила зятя взглядом, поднялась со скамьи и вышла во двор. «Вот ведь упёртый. Ладно, сама уж», – подумала она и чуть слышно окликнула в темноту:

– Мария.

Сидевшая на лавке домработница смахнула с подола шелуху подсолнечника, неохотно ответила:

– Здесь я.

– Мария, сходи за Павлом. Совсем худо ей. Боюсь, до утра не дотянет.

***

Павлику Завьялову было без малого восемь лет, когда он впервые обратил внимание на некоторые особенности, свойственные только ему, а именно способность угадывать. Например, он с уверенностью мог сказать будет дождь или нет, какое место в чемпионате займёт ЦДКА, и сколько орехов в левом кармане у Мурата. И ещё он точно знал, что Мурата и его родителей через несколько лет увезут из Пятигорска. И они больше никогда сюда не вернуться.

Прабабка его была местной колдуньей и знахаркой. Носила она странное имя Урсула, так как предки её бежали из Пруссии во время революции 1848 года. И за всё время, что Урсула прожила на Кавказе она ни слова не сказала ни по-русски, ни по-дагестански. Пашка с рождения и до са-

мой смерти бабки Урсулы общался с ней исключительно на немецком. Поговаривали, что от неё и перешли к правнуку способности видеть будущее и лечить людей. Бабушка Паши и его мать Клавдия тоже пытались ворожить, но видимо, им этого таланта не досталось. Да и власти запрещали заниматься оккультными науками, по крайней мере, слухи такие ходили. В наследство от Урсулы Паше осталось несколько книг и сундук, пылившийся на чердаке. Клавдия долгое время не подпускала Пашку к прабабкиному наследству, но, в конце концов, сдалась. «Чего запрещать, – подумала она – если Богом ребёнку дано».

Пашка начал жадно читать оккультную литературу, которая давала скорее поверхностное, чем серьёзное и глубокое представление о магии. Зато он отыскал в бабкином сундуке несколько манускриптов, написанных ещё фрактурой, а некоторые даже готическим письмом. По ним он составил довольно точное представление о том, как при помощи трав и заклинаний узнать будущее, вылечить больного или домашнюю скотину, а так-же каким образом можно заполучить силу и молодость другого человека. Это были самые интересные, но одновременно и самые жуткие страницы рукописей.

Пашка помнил, какой его охватил страх, когда он, сидя на пыльном полу чердака, первый раз прочитал ветхие листы. Он мог поклясться, что его прабабка Урсула в тот день находилась там же на чердаке, сидела верхом на сундуке и раз-

говаривала с ним.

– Кора ивы, сырой картофель, птичий горец... Это чтобы быстро рану залечить... А чтобы будущее увидеть, тут другое нужно...

Он вздрогнул, когда услышал немецкую речь. Оторвался от чтения и увидел зыбкий силуэт в затемнённом углу чердака: выцветший сарафан, старческие ноги, изрезанные фиолетовыми венами... Только лица не разглядеть. Ни рта, ни глаз. Вместо них колыхание плотного газа.

Павлик хотел было убежать, но ноги его стали внезапно свинцовыми, неподъёмными. Он просто сидел и слушал, как замороженный.

– Чтобы силу взять, тут уже кровь нужна... А где кровь, там ярмо. Там ты уже подневольный.

Голос Урсулы был хриплый и глухой. При жизни она курила какие-то травы, мох и даже кору.

– А как силу получить? – спросил Пашка, немного осмелев.

– Силу? Ишь, ты... Силу другого человека можно через позвоночник взять, но это не каждый сможет... А вот если удалось сделать такое, считай тебе повезло.

Урсула подумала мгновение и добавила:

– А может, и наоборот. Отвернуло тебя считай от везения твоего. Тебя эта сила будет сама вести, против твоей воли. Пойдёшь за ней, как привязанный...

– А ты сама-то пробовала?

– Я? Нет... И тебе не советую.

– Почему? – спросил Пашка.

– Порой она приводит не туда, куда ожидаешь. Знала я людей, которые пользовались этим и чужую силу получали, а некоторым и вторая жизнь доставалась.

– А это как?

– А вот так. Человеку уж давно за сотню лет, а он жив и здоровей иных молодых. Вот только облик свой человек теряет, не свою жизнь проживает, а чужую.

– Ты точно пробовала, бабуля. Вон сама-то до девяноста восьми лет почти дожила, – улыбнулся Паша, даже бабушку мою пережила и деда.

Со временем встречи с Урсулой на чердаке стали для Паши привычным делом, прабабка даже помогала иной раз читать и переводить непонятные для Паши слова. Конечно, он никому не сказал об этом ни слова, иначе его приняли бы за сумасшедшего и, чего доброго, отправили на лечение. К сожалению, половину из написанного прочесть было невозможно. Листы рукописи – ветхие и затёртые, буквально рассыпались в руках.

Но однажды Урсула перестала являться в Пашкиных видениях. Произошло это так же неожиданно, как и при первой их встрече. Взобравшись на чердак и начав чтение, Паша с удивлением обнаружил, что Урсула не появляется уже больше недели. Не было её и на следующий день и через неделю, и через месяц.

Прошли годы и Пашка научился выводить бородавки, лечить простуду, снимать порчу и предсказывать будущее. Всё это напоминало детскую игру, пока Павел, будучи уже достаточно взрослым, не задался вопросом – а что будет с ним самим? Может быть, стоит воспользоваться полученными знаниями и заглянуть в будущее?

Он так и сделал, но то, что он увидел, надолго отбило у него охоту заниматься предсказаниями, особенно, касающимися его лично.

***

В тот день он с самого утра отправился к подножью Машука, чтобы собрать эндемики, необходимые для проведения ритуала. Да и места безлюднее, чем у подножия гор, вряд ли отыщешь. Паша собрал все нужные травы, забрался в одну из пещер на западном склоне и развёл огонь. На все приготовления ушло не больше часа. Когда отвар закипел, Павел, обжигая пальцы, снял с огня жестянку. Дал немного отстояться. Сделал перочинным ножом надрез у основания большого пальца и выдавил в банку несколько капель крови, перемешал и подождал, когда отвар окончательно остынет.

Паша закрыл глаза и на память произнёс заученные наизусть заклинания. Ещё раз перемешал отвар, выпил небольшими глотками и, откинувшись на подстилку из овечьей шкуры, мгновенно отключился. При этом он понимал, где находится на самом деле. Было странное ощущение, что со-

знание разделилось и одновременно существует в двух реальностях.

Паша увидел стол... на столе нож довольно странной формы. Короткий клинок располагался перпендикулярно рукоятке и имел на конце небольшой крюк.

У стола появился силуэт человека. Тот зажег несколько свечей, взял нож, пропустив лезвие между средним и указательным пальцами.

Разгоревшиеся свечи осветили пространство, до этой минуты скрытое темнотой. На столе лицом вниз лежал мужчина. Паша знал почти наверняка, что тот жив. И ещё в одном был уверен, хотя и боялся признаться себе в этом: человек с ножом – он сам и есть, только гораздо старше. Одновременно появилось предчувствие совершенно жуткой развязки. Паша испугался и попытался отогнать видение, но не мог сконцентрироваться, оставаясь пассивным наблюдателем и одновременно участником кровавой сцены.

Первый надрез прошёл прямо по линии позвоночника, от копчика до основания черепа, образовав неглубокую бороздку, которая мгновенно наполнилась кровью. Завьялов заметил, как дёрнулись ноги лежавшего на столе человека.

В следующее мгновение его вывернуло. Он чуть не захлебнулся собственной рвотой, перевернулся на бок и попробовал встать на ноги. Наступил в тлеющий костёр, шархнулся в сторону, оступился и упал, не удержав равновесия.

Тем временем действие в кровавой реальности развивалось шаг за шагом. Человек погрузил нож глубоко в тело жертвы, в районе крестца и выверенным движением провернул клинок. Послышался хруст.

Паша поднялся и сделал несколько шагов к выходу из расщелины. Ему казалось, что достаточно выйти на свет и видение исчезнет.

Когда рука человека потянула за позвоночник, чтобы вернуть его из тела мужчины, Пашка уже спускался вниз, с трудом удерживаясь на ногах. Он смутно помнил, как добрался в тот вечер до дома, как лёг в постель. Окончательно прийти в себя он смог только на следующее утро.

С тех пор прошло уже несколько лет, но Пашка очень хорошо запомнил тот день. Понимал, что от судьбы не уйдёшь, и в то же время ему очень хотелось её изменить.

***

К дому майора Пашка Завьялов и Мария подошли около полуночи. На пороге их ждала Зинаида. Ещё издали углядев, закудаhtала:

– Давайте уже. Сколько вас ждать можно? Тебя, Мариша, только за смертью посылать...

Сказав последнюю фразу, Зинаида Петровна воровато перекрестилась. Прошли в дом. Алексей Петрович сидел во главе стола. Когда вся троица вошла, он неприветливо оглядел Пашку с головы до ног, сверкнул глазами на тещу.

– Я же просил.

– Ну, так... Веню вы же не хотели.

Майор махнул рукой, понимая – спорить бесполезно. В конце концов, она мать. Худого не сделает. «С Пашки, правда, толку как с козла молока, – подумал майор, – однако, чем чёрт не шутит. Других-то вариантов нет, глядишь, и поможет».

– Как она? – Зинаида кивнула в сторону комнаты Анны.

– Хуже.

Зинаида выпроводила увязавшуюся за ними Марию. Любопытная и охочая до чародейств домработница недовольно забурчала. Тёща вернулась, и виновато глядя на Алексея Петровича, подхватила Пашу под локоть.

– Павлик, проходи в комнату.

Зинаида провела его до спальни и, осторожно приоткрыв дверь, заглянула внутрь. Пашка, стоявший за её спиной, безошибочно уловил запах смерти. Он давно научился распознавать её скорое появление. Иногда по глазам человека, которые становились мутными и глубокими, но чаще по запаху, кисловато-приторному, отдающему сыростью свежевспаханной земли. Именно такой запах наполнял сейчас комнату, где лежала больная.

Зинаида вошла в комнату, а Паша в нерешительности застыл на пороге, прекрасно понимая, что его присутствие мало что изменит – слишком поздно.

– Иди уже, – майор втолкнул Завьялова в спальню, вошел

следом и закрыл дверь.

Паша положил на столик холщовый свёрток, который всё это время держал в руках. Развернул и достал несколько предметов, вызвавших трепетную надежду у Зинаиды, и смутные подозрения и неприязнь у Алексея Петровича: отлитую из свинца пентаграмму, чашу, нож с длинным лезвием, пучки трав, уголь и соль. Разложив всё это на столике, Паша опустился на колени перед постелью умирающей, положил одну руку ей на лоб, а другую на живот. Еле слышно зашептал. Зинаида тихо плакала, а майор боролся с желанием схватить шарлатана за шиворот и выкинуть из дома.

Знахарь закончил произносить заклинания, растёр в ладонях высушенные стебли, смешал с солью и посыпал в ногах и в изголовье постели.

– Это всё? – еле сдерживая раздражения, спросил майор.

– Лёша, ну зачем ты...

Зинаида испытывала к зятю уважение, иной раз доходившее до патологического страха. И когда страх пересиливал, она называла Алексея Петровича на «ты». Наверное, так она пыталась защититься от этого неприятного ощущения. И в этот раз тёща попыталась успокоить Алексея, сократив его имя до уменьшительного «Лёша». Бог знает, чем ещё она собиралась умаслить грозного майора, но Паша не дал ей договорить. То, что он произнёс в следующую секунду, заставило майора сжать кулаки.

– Нет, не всё. Мне нужен петух. Чёрный петух.

– Слушай, сынок, – нарочито по-отечески сказал майор, – а не пошёл бы ты...

– Я принесу, – отозвалась Зинаида и дёрнула зятя за рукав мундира, – есть у нас. Как раз чёрный.

Тёща сама испугалась собственной смелости и теперь с мольбой смотрела на Алексея, которому было невыносимо совестно за свою минутную слабость – как он, коммунист и атеист, опустился до того, чтобы пустить под свою крышу этого недобитого колдуна.

– Делайте что хотите, но не в этом доме.

Майор кивнул на дверь из спальни, не сводя пронзительного взгляда с Пашки. Казалось, ещё немного и Алексей Петрович набросится на врачавателя. Павел завернул свои колдовские пожитки обратно в холстину и вышел из комнаты следом за Зинаидой.

Оказавшись на улице, Пашка слышал суетливое топанье ног, ошалелые крики перепуганной птицы и ругань. Зинаида стояла возле входа в сарай и руководила действиями домработницы. Борьба была недолгой, и вскоре обе женщины подошли к Пашке. Мария крепко прижимала к груди иссиня чёрную птицу. Петух, предчувствуя неладное, истерично бил лапами и топорщил пережатые крылья.

Паша достал из свёртка чашу, поставил на скамью. Взял петуха из рук Марии и одним резким движением оторвал ему голову. Женщины даже охнуть не успели. Обезглавлен-

ное тело в Пашкиных руках дёрнулось и затихло. Несколько капель крови разлетелись веером и окрасили тёмным горошком выцветший Маринкин сарафан.

Завьялов сцедил кровь в чашу, взял мешок и запихнул в него птицу. Затянул верёвку. Перелил кровь в бутылку, собрал свёрток, закинул на плечо мешок, попрощался и вышел за ворота.

***

К часу ночи Павел добрался до пятигорского некрополя, старого кладбища, заложенного ещё при генерале Ермолове.

В детстве Павел часто приходил сюда с матерью. На кладбище были могилы всех Пашкиных предков, кроме одной – той самой прабабки Урсулы, которая оставила после себя рукописи. Вернее, могила была, но в один момент как испарилась. Лет десять назад, Павлик последний раз стоял перед каменным крестом, украшенным по центру розеткой из лабрадора. Могила была аккурат по центру кладбища, далеко от остальных родственников, между двумя неприметными надгробиями. С тех пор ни Клавдия, ни сын не могли её отыскать, как ни старались.

Откупорив бутылку, Паша выплеснул кровь перед центральным входом на кладбище. Размахнувшись, что есть силы, перебросил мешок с «откупом» через каменный забор. Опустился на колени лицом к кованым воротам, и начал скороговоркой произносить заклинания.

– Заклинаю вас, здесь ныне спящие. Как первым, так и последним вашим днем... крещеньем... прощеньем... вашими славными делами, вашими тайными грехами. Родами, которые вы терпели. Будьте все свидетели и просители, как я откуп отдаю. Прошу вас... снимите от рабы Божьей Анны болезнь... так, чтобы она на теле её не была, сама себя съела и изжила. Кто этот откуп поднимет, с живого тела на мертвое перетянет... Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Павел поднялся с колен и поцеловал витую решётку кладбищенских ворот. Внезапно в голову ему пришла мысль, – а не поискать ли пропавшую могилу сейчас, ночью.

Он проскользнул между приоткрытыми створками решетки и принялся бродить смиренными аллеями, пробираясь к центру кладбища.

За некрополем с самого основания водилась слава места загадочного. Кладбище закладывал обрусевший немец, тогдашний губернатор и командующий войсками Кавказской линии, генерал фон Сталь. Когда выбрали место, Карл Фёдорович сказал, что надо, мол, первым похоронить здесь лицо значительное. А через три дня, взял да и помер. С него кладбище и началось.

Павел знал каждую могилу, каждый памятник. Прямо у входа похоронен матрос Матвеев, командовавший Таманской армией, которого потом большевики же и расстреляли. Вот так: сначала командиром выбрали, а потом сами и убили.

Чуть дальше и левее – могила начальника ОГПУ. Говорят, умер от разрыва сердца накануне собственного ареста. А на надгробии лицемерное: «Большевику-ленинцу, бойцу-чекисту».

Если сойти с центральной аллеи влево, то можно увидеть самое красивое надгробие. ажурная резьба по известняку. Могила дочка богатого купца, которая на себя руки наложила по причине безответной любви. Говорят, что девушку сначала хотели похоронить за пределами погоста, как и положено самоубийцам, да отец настоял. Много помогал городу и духовенство разрешило.

А ещё здесь была могила Лермонтова, да не прижился тут русский поэт, выкопали и отправили к матери в Тарханы.

Павел шел и думал, что у каждого кладбища таких историй – пруд пруди. Он любил здесь бывать, с мертвецами было гораздо спокойней и уютней, чем в мире живых.

От мыслей Завьялова отвлек тусклый матовый свет, который пробивался сквозь заросли кустарника. Он остановился, вглядываясь в темноту. Различил фигуру в белой накидке, сидевшую чуть в стороне от странного источника света, подошел ближе. Так и есть – у одной из могил сидит человек, голову и плечи укрывает белая шаль. Лица не видно, да и сидит непонятно на чём, словно над землей парит. Павлу страшно стало, да ноги сами несли. Так и шел, пока не оказался в пяти шагах от колыхавшейся в воздухе фигуры.

– Здравствуй, Павлик.

Паша обмер, узнал голос Урсулы. И хотел ответить, да страх так скрутил, что и слова произнести не смог.

– Ну, что же ты молчишь, Паша? Спрашивай, раз пришёл. Ведь ты за этим?

Завьялов глотнул воздуха, но заговорить не решился.

– Спрашивай! – рявкнула старуха.

Паша вздрогнул, упал на колени и перекрестился. Бабка захохотала, и Завьялов немного успокоился.

– Ну?

– Выживет ли Анна?

– Ты всё правильно сделал, а вот выживет или нет, на то воля господа.

– А со мной... что будет?

– Вышел ты на дорогу, Павлик, которая заведёт тебя так далеко, что обратного пути уже не найдёшь. Быть знахарем – груз тяжёлый, не каждый выдержит.

– А ты?

– А что я? Сам видишь, до сей поры неприкаянная.

– Что мне делать?

– Что бы ты ни делал, от судьбы не уйдёшь. Это уже там, – Урсула подняла руку и указала пальцем в небо, – там решается. А я помолюсь за тебя, Паша. И ты молись.

Завьялов ткнулся лицом во влажную от росы траву, зашептал молитву. Когда поднял голову, Урсулы уже не было. Только розетка из лабрадора блестела, играя лунным светом.

На следующее утро Анна самостоятельно встала и даже смогла позавтракать. После чего снова ушла в спальню, легла в постель и тихо умерла.

Хоронили Анну в среду. Пашка тоже пошёл на похороны – видимо, чувствовал и свою причастность ко всей этой истории. Несколько раз ловил на себе тяжёлый взгляд Алексея Петровича.

Было страшно.

***

Пашка проснулся от стука в дверь. Колотили от души, как к себе домой или спяну. Поднялся и не спеша прошёл в сени. Уже подходя к двери, прислушался – на крыльце топтались и вполголоса переговаривались.

– Кто?

– Открывай! – по-хозяйски, без «здрасьте», пробасили снаружи.

– Вам кого? – Пашке стало боязно отпирать дверь незнакомцам.

– Открывай, – повторили снаружи, а затем бухнули, – НКВД!

Пашка тут же отодвинул щеколду, как будто его заколдовали. Магия звуков, не иначе.

Припечатав хозяина спиной к повлажневшему за ночь тёсу, вошли трое. Среди них Алексей Петрович.

– Здрасьте, – прошептал Паша.

Майор остановился напротив Павла, остальные прошли через сени в дом, топоча, как на плацу.

– Запрещённое есть? – спросил Алексей Петрович.

Не дожидаясь ответа, схватил Пашку за ворот и потянул из сеней. Усадил на лавку в красный угол. Двое уже всю шарили по избе. Причиндалы Пашкины нашли сразу, он их и убрать то не успел. Пентаграмма, нож, ещё замаранный птичьей кровью, пучки травы – всё это хозяйство легло на стол. Взялись за книжные полки. Майор только скрипел сапогами взад – вперёд. Не спрашивал, не орал. Пашка толком и не проснулся ещё, тоже молчал.

– Товарищ майор, – одетый в светлую летнюю форму энкаведешник протянул Алексею Петровичу листы, изрисованные каббалистическими знаками.

Майор только глянул исподлобья и кивнул на стол, мол – складывай, потом разберёмся. Им только волю дай, всё на стол потащат. Стопка книг росла, майор взял верхнюю, прочитал оглавление.

– Рерих, Врата в будущее...

Алексей Петрович присел на лавку, рядом с Пашкой. Покрутил в руках книгу.

– А ты знаешь, что Рерих масон?

Паша пожал плечами. Конечно, он слышал что-то такое. Но его не интересовали политические взгляды автора.

– Ты знаешь, что он легитимистам помогал? Казачьему союзу? Нет, не слышал? Этому мракобесу волю дай, он, по-

жалуй, и монархию вернёт. В общем, так, – майор встал и позвал остальных, – этого в райотдел, на допрос. Всё собрать и туда же. Жадов, ты останешься, пока мать его не придёт. Когда Клавдия вернётся – тоже ко мне, я машину пришлю.

Майор оглянулся на Пашку, тот сидел, ни жив – ни мёртв.

– Мать на смене?

Павел кивнул.

Его вывели, как был, даже одеться не дали. Запихнули в эмку и повезли со двора. «Хорошо ночь, а то позору не оберёшься», – подумал Пашка.

Допрашивали, пока не рассвело. Алексей Петрович показывал книги, спрашивал: «Твоё? Распространял? Читал?» Подследственный отвечал только «да» или «нет». Среди предъявляемой литературы попадались издания, которые он раньше и в глаза не видел. Тогда Павел отрицательно мотал головой. Его не били, не запугивали. Просто спрашивали, он отвечал и с его слов писали протокол.

– Немецкий, зачем учишь? Готовишься?

– Так ведь пакт? Да и сами мы из немцев...

– Ну-ну.

Всё происходило быстро, без проволочек и сбоев. Ничего лишнего, всё по делу. Допрос, подпись, печать, камера... Быстро, быстро, быстро... Так работает хорошо отлаженный механизм. Два дня допросов, заплаканное лицо матери в коридоре, закорючки под протоколами, тяжёлый сон, не прино-

сящий отдыха и наконец, приговор суда: десять лет исправительно-трудовых. Осудили сразу по двум статьям, за «хранение и распространение», и за непредумышленное убийство. Не простил майор Паше смерть Анны.

А внутри Павла Завьялова раз и навсегда сломалась вера в справедливость. И в заботу правительства тоже.

***

Павла Завьялова переправили в Переборы, что под Рыбинском, на строительство местной ГЭС. Из-за пятьдесят восьмой, утвердившиеся «в законе» тут же навесили на Пашку клеймо «политического». Его оправдание, «посадили ни за что», не произвело на зеков никакого впечатления.

– Ни за что? Тут все по этой статье проживают, – ответил тот, который сидел в дальнем, затемнённом углу. Остальные угодливо заржали. Пашка попытался рассмотреть мужчину, но в темноте разглядел только его щуплые плечи, и впалую грудь. Зеки называли его Днепр.

Позже Пашка узнал, что в бараке Днепров был за главного, чуть ли не ручкался с начальником лагеря Коваленко и руководителем стройки Осипчуком, хотя на работы не ходил.

– Ты, говорят, ещё и жинку майорову завалил до кучи? Не многовато ли для одного то?

– Я никого не убивал, – ответил Пашка. – Меня лечить вызвали... Да поздно уже было.

– Лекарь, значит? – поинтересовался сидевший с краю здоровенный малый в наколках, – может, глянешь... что-то у меня в паху зудит.

Остальные снова заржали, но Днепр только руку поднял – все замолчали.

– Оставь его, Круглый. Узлами накормить мы его завсегда успеем. Пускай посмердит в уголку, потом посмотрим, что за лекаря нам посадили.

Круглов замолчал, но продолжал лыбиться, масляно поглядывая в Пашкину сторону.

– Язvu лечить можешь? – спросил Днепров.

– Могу.

– Гляди Днепр, чтобы он тебя до чернозёма не залечил. Может, он рецидивист... ха-ха-ха.

Пашке отвели место у самого входа в барак. «Летом ещё ничего, а зимой задувает – страх просто», – предупредил его сосед по вагонке. Только сейчас до Павла дошло, что и осень, и зиму и следующие десять зим, лет и вёсен он будет гнить в этом бараке. Хотелось плакать, но было стыдно. Сдержался.

Глава 3

Австрия, земля Тироль, Инсбрук. Июль 1942 год.

Сойдя с поезда, Фред несколько минут стоял на перроне, выглядывая Хелен. На то, что она придёт его встречать, надежды почти не было, ведь его письмо могло задержаться или вовсе не дойти. Сейчас вести с фронта доставляют с задержкой, и только плохие новости приходят быстро. Он надеялся, вернее хотел надеяться, и потому не спешил.

Закурил. Продолжительно, до горечи в глотке глубоко затягивался и так же длинно выпускал струйку дыма.

Манфред не видел жену почти три года. Сразу посла аншлюса Австрии в тридцать восьмом, его мобилизовали в первую горнострелковую, и перебросили в Баварию. Европейский блицкриг после Польши, Франции и Нидерландов закончился непролазной грязью Балкан, где их дивизии пришлось прорывать линию фронта югославской армии под проливными дождями. За всё это время Фред лишь однажды побывал дома. Наконец он получил небольшой отпуск, после которого его снова ждет восточный фронт, на этот раз Россия. Говорят грязь там ещё непролазнее, а сопротивление ещё отчаяннее. Почти весь последний год он провёл на горной базе в Гармише, совсем недалеко от границы, но при-

ехать домой смог только сейчас. Вроде совсем рядом, а не вырваться ни на день. Их группу усиленно готовили перед переброской на восток. Для чего именно, держалось в строжайшем секрете, немногие знали только конечную цель – Северный Кавказ.

Настроение перед новой кампанией у Фреда было не таким радужным, как пять лет назад. Головокружительной военной карьеры он не сделал, хотя за два последних года службы сумел получить звание оберлейтенанта, Железный Крест первой степени и личную благодарность Фюрера за операцию на Балканах. Карьера военного его больше не прельщала. Представление о войне, как о единственно верном пути высшей расы к мировому господству, изменилось у него ещё в Польше, когда под Перемышлем им пришлось участвовать в массовых расстрелах мирного населения. Да, именно им – элитным подразделениям Вермахта! С тех пор Фред сильно изменился, стал замкнутым, всё больше молчал и мечтал только об одном – когда всё это закончится.

Фред подошел к дому и ощутил под сердцем колючую тревогу. Всё ждал, что вот-вот распахнётся дверь и Хелен выбежит ему навстречу. Он сбавил шаг, а затем и вовсе остановился. Дом отчуждённо глазел на Фреда тёмными окнами. После суеты последних дней, забитых до отказа вагонов и вокзальной сутолоки этот дом казался необитаемым. С началом войны, в Европе появилось множество таких вот бро-

шенных, опустевших зданий. Только не здесь, не в Австрии. Тут бежать и скрываться не от кого.

Дверь была не заперта, и Фред вошёл внутрь. Ничего не изменилось. Ему показалось, что даже мелкие предметы остались стоять на своих местах, как и три года назад. Он услышал, как в глубине дома приглушённо звякнула посуда. Фред опустил на пол небольшой дорожный чемодан и прошёл на кухню.

Хелен стояла к двери спиной и собирала на стол. Услышала, как скрипнула дверь и обернулась. Тут же опустила глаза. Несколько коротких шагов навстречу друг другу. Она ткнулась раскрасневшимся лицом в китель мужа.

– Фредди... Фредди, я...

Она любила называть его этим уменьшительным именем. Ей казалось, что это так по-американски. Хотя сейчас всё американское стало не таким популярным, как несколько лет назад. Все понимали – открытие второго фронта – вопрос времени.

Почему сейчас это так его раздражает? Уж точно не из-за политики Рузвельта. К чертям собачьим и Рузвельта, и всех остальных! Он устал от политики, и ему дела нет до войны! Он приехал домой всего на несколько дней.

Фред попытался немного отклониться назад, чтобы рассмотреть лицо супруги, но она ещё сильнее прижалась к нему.

– Ты получила моё письмо?

– Да. Два дня назад.

– Я ждал тебя на вокзале, Хелен.

– Я... Нам нужно поговорить, Фредди.

Он вдруг понял, почему это уменьшительное «Фредди» так его раздражает. Произносит его Хелен не так, как обычно. Не с любовью, а скорее с состраданием, обращаясь к нему, как к ребёнку, больному и беззащитному. Наверное, она так и продолжала бы стоять, прижавшись к Фреду, но на плите спасительно задребезжала крышкой кастрюля.

– Кипит, пусти...

Хелен разомкнула объятия и отстранилась. Развернулась к плите, но в последний момент муж перехватил её руку.

– Что с тобой?

– Со мной? Со мной ничего. Садись.

Фред отпустил руку жены и сел за стол. Стоя спиной к мужу, Хелен почувствовала себя более раскованно. Не глядя в глаза сообщать о неприятных новостях намного проще.

– Тебя не было почти три года, Фредди...

– Я был немного занят, ты же знаешь.

Хелен испугалась, что сейчас она раскиснет, опустится до жалости к мужу и разговор, к которому она готовилась, размякнет, развалится как эта проклятая каша.

Она отключила газ. Молчать было невыносимо, стоять у плиты спиной к Фреду глупо.

– Фредди, я ухожу... У меня другой... Другой мужчина.

Она ждала ответа и одновременно боялась его услышать.

Боялась, что он будет кричать, обвинять... ударит, в конце концов. А больше всего она боялась что Манфред будет умолять остаться. Но Фред молчал. Ей тоже нечего больше сказать. Всё, что касалось их обоих, она уже высказала, остальное касается только её и... Неважно... только её.

Одна минута, другая. Никто не проронил ни слова. Теперь повисшая в воздухе тишина просто оглушала. Муха, заблудившаяся между оконными рамами, билась в стекло, создавая такой шум, что казалось, он вот-вот наполнит собой дом, выдавит окна и разлетится окрест, подобно взрывной волне.

– Кто он?

– Какая разница, Фредди... Ты его не знаешь.

– Не называй меня так.

Хелен повернулась. Теперь она не боялась смотреть в глаза Фреду. Её губы стали тонкими и почти прозрачными. Ей вдруг захотелось улыбнуться, спровоцировать мужа. «Встань и ударь, – подумала она, – и я уйду. Просто уйду и всё».

Но Фред продолжал сидеть. Рассматривал скатерть и не решался поднять глаза, как будто во всём случившемся только его вина.

– Кто он, Хелен?

– Просто другой мужчина.

– Мужчины на фронте, – отрезал Фред.

– Он снабженец. У него, как и у тебя, Железный Крест...

– Да ну?!

– Фред, ничего личного...

– Ничего более личного и представить нельзя.

– Фредди, тебя не было так долго...

– Убирайся!

– Я...

– Уйди, Хелен.

– Фредди, прости.

Последнее было лишним. Хелен, не оборачиваясь, выско-
чила с кухни. Фред продолжал сидеть за столом. Выждал
время, встал и подошёл к окну. Ему хотелось последний раз
увидеть её. Убегавшую. Предавшую его ради тыловой крысы
с Железным Крестом.

Остаться дома не было никакого желания. Для чего? Из-
водить себя вопросами? Зачем она вообще приходила сю-
да? В последний раз накормить мужа? Рассказать об устрой-
стве собственной личной жизни? Зачем? Уж лучше бы про-
сто ушла, без объяснений.

Остаток дня и весь вечер до глубокой ночи Фред провёл
в небольшой пивной на Фридрихштрассе, в компании лей-
тенанта медицинской службы. Подвыпивший медик на чём
свет стоит ругал снабженцев, задерживающих поставку ме-
дикаментов на линию фронта.

Обоюдная ненависть к поставщикам объединила Фреда и
лейтенанта медика.

– Вы из Инсбрука? – спросил медик.

– Да.

– В отпуске?

Фред кивнул и сделал большой глоток из кружки.

– Вы ведь фронтовик? Я сразу чувствую, когда человек с передовой... где служили?

– Польша, Франция, Балканы. Сейчас на восточный...

Лейтенант задумался.

– Восточный... знаете, я был там... это совершенно другая война. Россия, что бочка без дна. Им всегда есть куда отступать. Сибирь... мы потеряем там много зубов, а возможно и все.

Медик понизил голос и наклонился через стол, задышал Фреду в лицо.

– Дороги ужасны. Неделями ждём медикаменты. Люди умирают на столах, так и не дождавшись помощи... настроение в войсках хуже некуда... чёрт! Да какое там может быть настроение?

Медик замолчал, откинулся на спинку стула и безнадежно махнул рукой, зацепив рукавом кружку, которая упала, расплескав по полу хлопья пены. К этому моменту оба уже изрядно набрались.

– Свиньи... – неизвестно к кому обращаясь, сказал медик.

Фред кивнул, представляя любовника Хелен в виде огромного борова, с Железным Крестом на лоснящемся боку.

– Разве можно так напиваться, лейтенант? – спросил он.

– Можно. И нужно, дорогой мой, – ответил медик. – Это своего рода Рубикон, между там и здесь. Там нужно быть с холодной, и по возможности – пустой головой. Ну, вам ли не знать...

Он проснулся около пяти утра. До полудня сидел на террасе дома, думая о том, насколько бездарно можно потратить драгоценное время отпуска. О том, что осталось всего несколько часов. Совсем скоро назад в Гармиш, где его ждут последние сборы и подготовка, а затем трое суток поездом. Туда на Восток, за край Европы. А что ждёт его там, один чёрт знает. Тот самый черт, который знал наверняка о том, что ждало его здесь. На то он и чёрт, чтобы всё знать – работа такая. Это Фреда он может держать в полном неведении. Впрочем, кое-что известно совершенно точно: безнадежные дороги, загнанные в угол русские, смерть, которая плюет кровью в лицо, враждебные горы, которые заберут не одну жизнь, а теперь ещё и отвратительная работа снабженцев, черт бы их побрал! Вот что ждёт его на передовой.

Нужно собраться, забыть предательство Хелен, всю эту грязь и обиду. Оставить здесь, на потом... на десерт. Вернуться и разобраться во всем с остывшим сердцем и разумом. С пустой головой.

Он вспомнил вчерашний вечер и лейтенанта-медика. Как его звали? Гюнтер, кажется. Да, Гюнтер Уде.

***

С самого утра новобранцы драили и чистили всё, что сохранило способность блестеть. В Гармише ждали приезда непосредственного начальника, генерала Губерта Ланца, который появился только во второй половине дня. На совещании, которое он проводил со старшими офицерами, обсуждались детали операции и сроки переброски на Восточный фронт.

Фред за всё время не покидал своей комнаты, пытался читать, но мыслями постоянно возвращался к предательству жены. Ревность и обида занимали его куда больше, чем предстоящая кампания и с этим нужно было что-то делать. Конец мучениям положил ординарец, вызвавший Фреда к гауптману.

Когда Фред вошел, участники группы уже собрались в кабинете руководителя операции Хаймса Гроота. Гауптман был взволнован, и это передалось присутствующим. Гроот не любил громких пафосных речей, и сразу перешёл к делу.

– Обстоятельства несколько изменились. На линию фронта мы вылетаем сегодня. Первая горнострелковая выводится из-под Орджоникидзе к Клухорскому перевалу. Одна из целей нашей небольшой группы – Эльбрус. На перевале мы соединяемся с основными частями и выдвигаемся в направлении горного отеля на высоту четыре-сто-тридцать. Отель называется «Приют одиннадцати». Кто был на Кавказе, наверняка его помнит.

Фред не мог сосредоточиться, злился и проклинал себя за слабость. Только услышав о предстоящем восхождении, он сумел отогнать неприятные мысли.

– Далее, мы разбиваемся на две группы: Мюллер со своими людьми остаётся в «Приюте», вторая группа, которую возглавлю я – продолжит восхождение. Лист, Штросс и Фердинанд – со мной, на западную и восточную вершины.

Фред и ещё два офицера кивнули. Перед самой войной Фред участвовал в нескольких восхождениях на Кавказе вместе с русскими альпинистами. Возможно, это и сыграло роль в отборе кандидатов.

– Наша цель, установить на обеих вершинах флажки со знамёнами Германии. Миссия, скорее политическая, нежели стратегическая, надеюсь, это понятно. После возвращения в отель нас ждет подготовка к приёму и размещению оборудования... это наша основная задача.

Гауптман замолчал, сел за стол и скрестил руки на груди. Непроизвольный жест, который он использовал перед принятием важных решений, сталкиваясь с нестандартными действиями противника, или с чем-либо непонятным и противоестественным. Как будто старался закрыться от внешнего мира и в то же время давал себе возможность собраться с мыслями и силами.

Присутствующие понимали, что сказано далеко не всё. Гауптман разжал руки и облокотился на стол.

– В операции так же примут участие представители ин-

ститута Аненербе. Цель их миссии держится в строжайшем секрете. Нам поручено оказывать им любую помощь.

Было заметно, что Грооту неприятна вся эта история с присутствием на театре военных действий, оккультистов фон Зиверса. Перерыв всю Европу, как старый бабкин сундук, они теперь совали свои провонявшие нафталином носы в планы Вермахта. Даже он, всего лишь капитан, понимал всю безрассудность этого манёвра – снять четыре дивизии с передовой и перебросить их на менее важный в стратегическом плане Эльбрус. Обсуждать и тем более не выполнять приказы командования он не имеет права, но думать об этом ему никто не может запретить.

– Оборудование Аненербе будет прибывать на временный аэродром. Цель моей группы, обеспечить прикрытие по пути следования от аэродрома к пику Калицкого. Лейтенант, ваша задача обезопасить южное и юго-западное направление от пика.

– Да, капитан.

– И ещё... каждому из нас, включая егерей, в процессе всей операции необходимо будет иметь при себе радиопередатчик одностороннего действия.

Офицеры переглянулись.

– Я всё понимаю, – продолжил Гроот, – это лишний вес и немалый... Но это распоряжение от вышестоящего командования. Все, все без исключения. Единственное, что я могу предложить – на время восхождения на Эльбрус мы мо-

жем отказаться от стандартной радиосвязи. Ничего, будем держаться в поле видимости.

Хаймс Гроот поднялся из-за стола, давая понять, что совещание закончено.

– Сейчас вас проинструктирует представитель Аненербе, в девятнадцать сорок пять доклад о готовности, в двадцать ноль пять сбор.

***

Таинственным радиопередатчиком оказался модифицированный и облегчённый двухламповый «Фридрих». В придачу к нему шёл так называемый «солдат-мотор» для зарядки аккумуляторов в полевых условиях. Он тянул ещё килограмма на три-четыре.

Инструктаж проводил инженер Аненербе, невысокий мужчина в штатском. Один из офицеров попробовал взвесить передатчик и подзарядку в руке.

– Ого! Килограмма три, сетыре?

– Четыре сто, если быть точным, – ответил инженер.

– Тяжеловат.

– Мы его облегчили насколько это возможно в сегодняшних условиях. Всем вам придется постоянно держать его на поясе, и не снимать ни при каких обстоятельствах. Ни при каких, слышите? И передатчик всегда должен быть в рабочем состоянии. Получасовой подзарядки хватает на восемнадцать часов непрерывной работы.

К вечеру группа в полном составе погрузилась на транспортный Ju-52, в шутку прозванный Tante. «Тётушка» вырулила на взлётную полосу, легко оторвалась от земли и, набрав высоту перехода, взяла курс на Восток.

Глава 4

Франция, Страсбург, Анатомический институт. Октябрь 1942 год.

Всякий раз, входя в операционную, Клаус Рольф испытывал смешанные чувства и эмоции: липкий страх, раболепие и ощущение собственной никчёмности. Голые стены, огромные окна без занавесок и белая кафельная плитка на полу, создавали ощущение абсолютной стерильности – неживой и холодной. Таким же холодным был свет потолочных ламп.

Даже когда на препарационном столе лежал очередной труп, Рольфу не было так жутко. Как ни парадоксально, это придавало интерьеру немного жизни. Скупая обстановка операционной оправдывалась тем, что глава отдела «Н» Август Хирт не терпел на рабочем месте ничего лишнего. Кроме того, в последнее время финансирование всех отделов Аненербе резко сократилось, а многие проекты и вовсе были свёрнуты ещё в сорок первом.

Сегодня Хирт закончил работу позже обычного. Весь день он был раздражителен, много курил и постоянно отходил от препарационного стола к окну. Глядел в густой осенний туман, закрывал глаза, шевелил губами, думая о чём-то своём. Рольф в основном стоял без дела, от этого ещё больше устал,

и теперь ему хотелось побыстрее добраться домой и залечь в горячую ванну.

Хирт отложил скальпель, направился к лабораторному столику. Склонился над микроскопом и жестом поманил Рольфа.

– Взгляните, Клаус. Некоторые виды опухолей напоминают пчелиный улей.

Клаус подошел к микроскопу и посмотрел в окуляр.

– Видите? Каждая клетка играет определенную роль. Только некоторые из них имеют уникальную способность размножаться и образовывать новые опухоли. Приблизительно одна из десяти – стволовая...

– Трудно судить... с нашим оборудованием...

Клаус оторвался от микроскопа и виновато посмотрел на Хирта. Август поморщился, достал из кармана халата пачку сигарет и закурил. Выпустил дым и вернулся к столу. Клаус вздохнул и направился следом.

Ещё битый час Хирт возился с трупом, брал образцы, рассматривал их под микроскопом и курил, курил...

Часы пробили одиннадцать, когда Август сказал себе «хватит» и затушил последнюю сигарету – ему так и не удалось избавиться от привычки курить прямо за прозекторским столом.

Он ещё раз бегло осмотрел тело. Вскрытая грудная клетка напоминала акулю пасть, готовую вот-вот захлопнуться. Доктор Хирт вздохнул, снял перчатки и бросил их в корзи-

ну. Рольф, весь вечер ассистировавший Хирту, устало облокотился на металлический бортик стола, размял затёкшую шею.

– На сегодня всё, герр доктор?

– Пожалуй. Скажите, чтобы убрали тут. И зайдите ко мне в кабинет, есть одно неотложное дело.

Клаус мысленно попрощался с горячей ванной. Он знал – обсуждение всех неотложных дел руководитель отдела заканчивал глубоко за полночь.

Резиденция Августа Хирта располагалась этажом ниже. Он много времени проводил на работе, иногда до утра засиживаясь в кабинете. Аскет по натуре, он и кабинет свой оставил с максимальной рациональностью, беспощадно освободив от всего лишнего.

Когда Рольф открыл дверь, штурмбаннфюрер что-то записывал в толстую тетрадь, оформленную кожаным переплётом. Хирт посмотрел на Рольфа поверх очков и жестом пригласил его сесть.

Своих записей он никому не показывал, тетрадь всё время находилась в сейфе, который стоял тут же, возле письменного стола. Рольф давно заметил некоторую скрытность Августа, особенно когда речь заходила о его последних, и судя по всему, довольно успешных опытах. Сегодня в операционной, Август позволил себе некоторую откровенность, и это насторожило Клауса.

– Нам понадобится микроскоп Райфа и частотный генератор, – не отрываясь от записей, сказал Хирт. – Только без лишнего шума, Рольф. Мне бы не хотелось, чтобы руководство узнало о моей работе раньше времени.

Клаус кивнул. Ему не нравилось, что Август Хирт занимается проблемами диагностики и лечения рака в ущерб основной деятельности. Однако он знал крутой нрав начальника отдела «Н» и никогда бы не осмелился спорить, но при нынешней нестабильной ситуации на фронте и постоянных заговорах в тылу, была опасность нарваться на незапланированную проверку SD. А уж они-то точно не станут разбираться – кто был против, а кто нет. Всех выметут из института. В лучшем случае, на фронт.

Поборов страх, Клаус попытался отговорить Хирта.

– Возможно, вам стоит рассказать обо всём Зиверсу. Опыты, которые проводит доктор Рашер уже дали результаты, и я думаю, что руководству не понравится, если мы на этом фоне...

– Зигмунд Рашер – патологический идиот, – перебил Клауса Хирт, – но, несмотря на это, он достаточно далеко продвинулся, и я могу использовать его опыт. Последнее время он слишком увлёкся экспериментами в Дахау, которые увели его в несколько... мягко говоря, ином направлении. А мы, – Хирт отложил ручку и закрыл тетрадь, – мы просто обречены на успех.

Ральф кивнул, до конца ещё не понимая своих чувств. Ра-

доваться ему или готовиться к разносу.

– Есть какие-то результаты? – спросил он.

– Какие-то?! Да я уже сейчас могу гарантировать положительные результаты в сорока случаях из ста! Моя методика другая, Клаус... она значительно отличается от работы всех, кто занимался этой проблемой до меня. Лично я в успех верю, но ещё раз хочу предупредить... всё что здесь происходит, должно оставаться в тайне до тех пор, пока мы не получим действительно стабильных положительных результатов. Стопроцентных! Если Рашер что-то пронюхает, он тут же доложит Гиммлеру, и нас обвинят в том, что мы едим чужой хлеб. Надеюсь, вы это понимаете?

Рольф снова кивнул. При упоминании имени рейхсфюрера его пробил озноб, как будто за шиворот плеснули ледяной воды. Интриги пугали его не меньше чем опыты, которые проводил руководитель отдела «Н» над живыми людьми. Однако он понимал, что штурмбаннфюрер пойдёт до конца. Два года назад Хирт проводил эксперименты на себе и попал в госпиталь с кровоизлиянием в лёгкие, отравившись горчичным газом. Вспомнив тот случай, Рольф решил, что переубеждать Хирта – пустой номер. Он смирился, решил для себя, что примет любой исход. Фронт это будет или... как знать, может и у него появится возможность погреться в лучах славы.

– Я понимаю, герр доктор. Что-то ещё?

– Да. Мне нужны ещё два хороших патологоанатома и ан-

трополог. Мы же не можем совсем забросить основное направление. И постарайтесь всё это сделать в минимальные сроки. Но в первую очередь – микроскоп и генератор. Тогда мы сможем форсировать события.

Хирт задумался на минуту. При нынешней ситуации он не может доверить поиски оборудования даже такому надёжному человеку, как Рольф. Будет много посредников, возможно, произойдёт утечка. И тогда можно поставить жирный крест на дальнейшей работе.

Хирт окликнул Рольфа, когда тот был уже в дверях.

– Знаете что, займитесь лучше поисками персонала. Микроскоп вы вряд ли сможете найти в Европе. Я попробую связаться с моими американскими коллегами. Так будет и быстрее и надёжнее.

Рольф облегчённо вздохнул, стараясь, чтобы его эмоций не заметил Август, но тот был слишком поглощён своими мыслями. Клаус не переставал удивляться возможностям и связям своего начальника. Шутка ли, при нынешнем положении вещей тот умудрялся сотрудничать с американцами. Впрочем, это больше касалось медицины, нежели политики. Вернее, исключительно медицины.

Когда Рольф вышел, Август Хирт снова открыл тетрадь. Он продолжал писать, пока за окном не стало совсем светло.

***

Всю дорогу до дома Клаус думал о словах Августа Хирта.

Доктор был проникательным человеком и наверняка заметил, что его ассистент напуган. Поэтому и прибегал к хитростям, всё время повторяя: «наша работа» и «мы получим результаты». Главное, чтобы Август Хирт не забыл о Рольфе, когда будут раздавать награды и оказывать почести.

Скрытный по натуре, Хирт никогда не распространялся о своих научных изысканиях. Клаус Рольф был, пожалуй, единственным сотрудником отдела, которому он по-настоящему доверял и рассказывал о своей работе, да и то скорее поверхностно, не вдаваясь в детали. Но больше всего Рольфа интересовала кожаная тетрадь штурмбаннфюрера. Он дорого бы отдал, чтобы хоть одним глазом взглянуть на записи.

Конечно, Хирт несколько не боялся ни самого рейхсфюрера Гимmlера, который весьма ценил умных людей и мог многое им простить, ни тем более орудовавшего в Дахау импульсивного фанатика Зигмунда Рашера. Нет, страха у Августа Хирта определенно не было. Скорей всего он действительно стоял на пороге величайшего открытия. А это, безусловно, придаёт смелости и сил. Но ведь удачу так легко испугнуть. Скорей всего, Августа пугал только тот факт, что его работа может быть передана в отдел «R» и все лавры достанутся выжившему из ума авантюристу Зигмунду Рашеру. Скорей всего именно это заставляло Хирта быть предельно осторожным.

Всю следующую неделю Клаус занимался поисками пер-

сонала. Задача оказалась не из лёгких: почти все мало-мальски хорошие специалисты работали на передовой. Он связался со своим старым приятелем по университету, Гюнтером Уде. Ещё одного патологоанатома он нашёл в парижском госпитале Милосердия.

Сопроводительные письма, подписанные лично Августом Хиртом, позволили ему беспрепятственно заполучить обоих кандидатов в течение нескольких дней. Оставалось найти толкового антрополога.

Глава 5

Германия, Кёльн – Франкфурт-на-Майне. 2005 год.

После ухода врача Манфред осмотрел содержимое забытой Ракешем сумки. Если поначалу он сомневался, стоит ли это делать, то теперь было совершенно ясно, сумка оставлена именно для него, а вовсе не по забывчивости посетителя.

В сумке была пара белья, пуловер, синие хлопковые брюки, ботинки, кожаная куртка, моток тонкой, но достаточно прочной верёвки и пара карабинов. В боковом кармане он обнаружил вороненый Вальтер Р38, который настолько привычно лёг в ладонь, что Манфред на секунду замер, в ожидании, что вот сейчас он что-нибудь да вспомнит. Но ничего не произошло.

Он переоделся, переложил пистолет в карман куртки. Подошёл к окну и оценил расстояние до земли. Пристегнув конец верёвки за радиатор отопления, Манфред открыл створку и в этот момент услышал шаги в коридоре, прямо напротив своей палаты. Он быстро задёрнул штору и развернулся к двери.

Вошедший был несколько удивлён, увидев Манфреда не в больничном халате. Он остановился в дверях, оценивая ситуацию и размышляя, что следует предпринять дальше.

Манфред тоже чувствовал подвох, уж очень неестественно вел себя врач.

С этого момента время для обоих перестало быть чем-то постоянным. Для каждого из них оно приобрело особое значение. И если для Манфреда каждая секунда была на вес золота, то посетитель был не прочь максимально растянуть эти мгновения. Заставить время двигаться быстрее так же просто, как и превратить его в вечность, тут уж кто первым проявит инициативу. Манфред понял, что первый ход должен сделать он, тогда гость будет вынужден играть по его правилам.

– Добрый вечер, доктор. Странно... я думал, что вечерний обход уже закончился.

– Здравствуйте. Да, закончился. Но вам нужно сделать кое-какие процедуры... перед сном. Это распоряжение дежурного врача.

Последние сомнения у Манфреда рассеялись, чересчур суетливы были движения врача и его речь. Тот не поинтересовался, почему пациент не в постели, откуда у него одежда. Это могло говорить только о том, что он никакой не врач. Кем бы ни был вошедший, он оказался не готов к такому повороту событий, и теперь постарается растянуть время. Конечно, если Манфред позволит это сделать.

Мужчина поставил на стол металлический судок, снял крышку и указал пациенту на стул.

– Садитесь, это не займёт много времени.

Манфред не двинулся с места, но незнакомец другой реакции не ожидал. Перейти к активным действиям ему мешали небольшой столик и стул, которые отделяли его от противника.

Пока тот обходил досадную преграду, Манфред получил необходимую фору, сгруппировался и отвел в сторону руку незнакомца. Ударом ноги вывел его из равновесия. Падая, незнакомец получил короткий удар в висок. И уже лежащего на полу противника Манфред оглушил рукояткой пистолета.

Последнее было лишним – теперь привести незнакомца в чувство вряд ли получится, а ведь он мог рассказать немало интересного. Хотя не исключено, что он и сам ничего не знает, обычный наёмник.

Манфред кинул на дно сумки шприц, перелез через подоконник и стал спускаться по веревке, отталкиваясь ногами от стены. Поймал себя на мысли, что справился с этим без особого труда, как будто раньше только и занимался тем, что бегал из больниц через окна.

***

Узнав у прохожего, в каком направлении нужно двигаться, Манфред перекинул сумку через плечо и направился к автовокзалу.

Автобусы на Франкфурт курсировали через каждые тридцать минут, и до следующего рейса оставалось не больше четверти часа. В зале ожидания было немногочисленно, зате-

ряться в случае опасности будет сложно, поэтому Манфред решил переждать снаружи здания, подальше от любопытных взглядов и возможной слежки.

Он перешел на менее освещённую часть улицы и, чтобы скоротать время, принялся изучать неоновые вывески магазинов и ресторанов. Одна из них отличалась от остальных, однако он без труда прочёл название на латинице: «Кафе Анастасия. Настоящая русская кухня и закуски».

Перед глазами Манфреда стали всплывать образы – сначала расплывчатые, затем всё более ясные и почти осязаемые: прибитый пылью чердак, старый сундук, скрипящие половицы под ногами, разбросанные по полу листы рукописей и голос женщины, доносившийся из-за спины и как будто снизу, из-под дощатого пола. Голос был настолько живой, что Манфред обернулся. Картинка тут же исчезла, и вместо деревянных половых досок он увидел асфальт, влажный после недавнего снега.

Всю дорогу до Франкфурта Манфред думал об увиденном, пытаясь вытащить из глубины подсознания хоть какие-то воспоминания, но всякий раз натыкался на белую стену, проникнуть за которую не было возможности.

Отель «Сенатор» был и вправду непрезентабельным заведением – таких во Франкфурте, наверное, пруд пруди. Манфред спросил о забронированном на имя Фишера номере и направился к лестнице. Готовый к любым сюрпризам, он

опустил руку в карман и снял пистолет с предохранителя. Поднялся на второй этаж, прошёл по коридору и обнаружил в дальнем конце ещё одну лестницу. Она была гораздо уже парадной и круто уходила вниз. Манфред спустился и вышел к автомобильной стоянке. Отсюда можно было без труда попасть в переулок. Таким образом, при первой опасности из гостиницы можно будет убраться, не привлекая внимания, быстро и без лишнего шума.

Перед тем как войти в номер, Манфред пару минут постоял у входа. Прислушался, пытаясь уловить малейший шорох. Ничего. За дверью и в коридоре было тихо, и он вошёл внутрь.

Небольшая прихожая вела в скромно обставленную комнату. Кровать, стол, пара стульев.

Манфред открыл дверь душевой, затем створки встроенного шкафа. Убедившись, что в номере никого нет, вернулся в прихожую и запер входную дверь. Подошёл к окну и, чуть раздвинув жалюзи, осмотрел улицу.

Он смертельно устал за сегодняшний день, всю дорогу из Кёльна так и не сомкнул глаз, а теперь ещё и вспомнил, что практически ничего не ел со вчерашнего дня. Решив поискать поблизости кафе, он бросил сумку на постель и вышел в переулок, воспользовавшись узкой боковой лестницей.

Была и ещё одна причина, по которой Манфред хотел покинуть отель – желание больше узнать о себе. Быть может,

что-то увиденное или услышанное, подскажет ему – кто он на самом деле, и почему память разыгрывает с ним эту абсурдную партию. Кроме того, есть ещё нюансы, которые он хотел бы для себя прояснить.

Многое, ещё в больнице Кёльна казавшееся ему странным и непривычным, окружающие воспринимали, как само собой разумеющееся. Например, огромное количество сложного медицинского оборудования, беспроводная связь, которой пользовался чуть ли не каждый встречный и которая по непонятно какому принципу работала. В общем то всё, что касалось техники и транспорта, казалось ему необычным. Да и такие мелочи, как его синие хлопковые брюки... Манфред был уверен, что никогда не видел и не носил брюк из подобной ткани, однако, оказавшись в городе, заметил, что добрая половина его жителей одета точно так же.

И наоборот, редко используемые в повседневной жизни предметы казались ему знакомыми; когда крепил верёвку к радиатору отопления, он быстро справился с узлами и карабинами. А ведь наверняка немногие смогут даже узел правильно завязать.

Короткая драка в клинике, спуск из окна – всё это было настолько будничным, что Манфред даже не задумывался, когда принимал решения. Вальтер, который оттягивал карман куртки, тоже был естественным. При том, что на улицах скорей всего не так много вооруженных жителей. Кёльн! Манфред вспомнил про вывеску русского ресторана рядом с

автостанцией, это показалось ему важным. Для себя он сложил эти наблюдения воедино и назвал «эффектом пиковой восьмёрки». Всё это из его прошлой жизни, о которой ему ещё предстоит узнать.

***

Манфред выбрал кафе прямо напротив отеля, в котором остановился. Огромные стекла от пола до потолка и небольшие размеры самого заведения, позволяли держать в поле зрения практически всю улицу. Кроме того, в кафе было два входа.

Заняв столик в самом углу, Манфред сделал заказ и занялся изучением посетителей. Час был ранний, и кроме Манфреда их в кафе было всего трое. Миловидная девица – в одной руке книжка, в другой вилка, которой она пыталась зацепить кусочек яблочного штруделя, и два парня за центральным столиком пили кофе и громко разговаривали. Никто не казался подозрительным, и Лист перевёл взгляд на внушительный экран, занимавший половину стены.

Диктор сообщил результаты футбольных матчей, затем на мониторе замелькали фигурки игроков. Они двигались по полю настолько быстро, что Манфред с трудом следил за перемещениями.

В этот момент он почувствовал щемящую боль в висках, как будто голову ему стянули железным обручем. Манфред закрыл глаза, сжал кулаки и откинулся на спинку стула. От

непроизвольных движений боль только усилилась.

В следующее мгновение вспыхнул яркий свет, и он почувствовал босыми ногами влажную после дождя траву. Где-то совсем рядом прозвучал голос.

– Нет, Фред. Мы идём вдвоём, только я и Эди.

Солнце слепило глаза, он щурился, прикрывал лицо ладонью, но никак не мог рассмотреть стоявшего перед ним парня.

Три дня, не переставая, лил дождь, сегодня в полдень погода наладилась, и вот на тебе! Они идут вдвоём. Фред отвёл взгляд в сторону. Дым от костра терзал ноздри, продираясь в легкие. Он закашлялся.

– У тебя подготовка, сам знаешь... да и снаряжения на троих все равно не хватит.

Парень развернулся и, пригнувшись, нырнул в палатку. Фред тяжело сплюнул в траву и посмотрел на горный склон. Справа громоздилась, уходя в самое небо, совершенно отвесная скала. Гладкая, словно стекло и опасная, как сама смерть.

Теоретически он знал весь маршрут: Бастион, затем влево до Красного зеркала, оттуда траверсом ещё левее и вверх, до Первого и Второго ледового поля. Потом Рампа, Паук и небольшой ледник перед самой трещиной, ведущей на вершину. Сколько раз он проходил мысленно этим маршрутом. А теперь его не берут! Стоило тащиться сюда из самого

Инсбрука?

Спорить с Вилли бесполезно, если тот сказал нет – значит, нет. Фред прошёлся по палаточному городку в сторону оживленной группы: несколько газетчиков, фоторепортёров и пара немецких альпинистов. Они собирались выдвинуться рано утром, если погода не испортится. Фред знал обоих, хотя и не был знаком лично: Тони Курц и Андреас Хинтерштойссер. Оба улыбались и демонстрировали решимость.

Сколько Тони? Двадцать два? Двадцать три? Всего на пару лет старше него, а через несколько дней о них будут писать все берлинские газеты: «Они покорили Эйгер!»

Проходя мимо, Фред услышал, как Тони сказал репортёрам:

– Стена будет наша, или мы умрём на ней.

Сказал в шутку и улыбнулся. Фред хмыкнул и прошёл мимо. Услышал, как за спиной защёлкали затворы фотокамер. Французы и итальянцы стояли чуть в стороне. Они отказались от восхождения, осторожничали. Всем известно, что погода на Эйгере коварна, как чёрт. Сейчас светит солнце, а в следующую минуту может пойти дождь, снег... Мерингера и Зедельмайера так и не нашли. В прошлом году все газеты об этом писали. Вилли и Эди тоже тогда хотели пойти.

Вилли Ангерер был для Фреда больше, чем другом: ещё в детстве он и Эди Райнер таскали его за собой в горы. Научили, как быстро проложить маршрут, отыскать на отвес-

ной стене подходящую зацепку или вырубить во льду ступень. Показали, каким образом лучше закрепиться, чтобы можно было ночью стоять на полке и не свалиться во сне. Фред помогал в кузне, когда Вилли плавил в горне ледовые крючья, а затем скрупулезно придавал им необходимую форму.

«Мы сделаем из тебя настоящего бергштайгера, – любил повторять Вилли, и всегда добавлял: – Как мы, только лучше».

И вот теперь они собираются покорять Белую Кобру без него.

Внезапно земля под ногами Фреда ушла куда-то вбок, горизонт, отель и палаточный городок съехали на сторону. Вся картинка превратилась в полупрозрачный вязкий кисель. Навалилась страшная головная боль.

– Всё в порядке?

Боль отступила так же внезапно, как пришла. Манфред взглянул на стоявшего рядом со столиком бармена. Тот поставил перед Манфредом тарелку и кивнул.

– Ваш заказ.

Манфред оглядел зал. Парни в углу всё так же разговаривали, ни на кого не обращая внимания, и только девушка, оставив в сторону чашечку с кофе, была явно заинтересована его персоной. Встретившись взглядом с Манфредом, она вспыхнула и снова уткнулась в книгу.

Он закрыл глаза и попытался восстановить в памяти только что увиденное. Частично ему это удалось, даже почудилось, как пахнуло дымом от костра. Всё казалось реальным: слепящее солнце, скала, палаточный городок и даже влажная трава под ногами. Вот только лица были смазаны, как на испорченной фотографии. Но чем больше сил он прикладывал, тем менее отчётливо отвечала ему память. В конце концов, он решил переключиться на что-то другое.

Манфред принялся за еду, и внезапно поймал себя на мысли, что думает о девушке.

«Интересно, как давно у меня не было женщин? Наверное, достаточно давно, если даже в сегодняшней ситуации я способен думать об этом». Ему пришло в голову, что неплохо было бы подойти и заговорить с ней.

Раздался чуть слышный зуммер, девушка вытащила из сумочки мобильное устройство и поднесла к уху. С минуту она разговаривала, затем позвала бармена. Пока девушка рассчитывалась и прятала в сумочку книгу, Манфред несколько раз встречался с ней взглядом. И всякий раз она тут же отводила глаза. Ну, допустим. Допустим, он может пойти к ней и заговорить. Но о чем? Что он мог бы ей сказать, что могло бы ее заинтересовать? Что она только что держала в руке, телефон? Черт, да он даже не знает названия половины окружающих его предметов! Она наверняка подумает, что он неандерталец.

Девушка вышла, Манфред проводил её взглядом и через

витрину кафе увидел Ракеша. Он перешел улицу, остановился возле входа, сунул руки в карманы и огляделся по сторонам. Видимо, тоже боялся слежки. Со стороны это выглядело смешно, и Манфред усмехнулся.

Ракеш вошел в кафе, отыскал взглядом Манфреда и помахал рукой, словно старому знакомому.

– Я думал застать вас в номере.

Ракеш плюхнулся на красный кожаный диван, заслонив Манфреду обзор улицы. Перехватив его взгляд, Ракеш улыбнулся.

– Не стоит так переживать. Они наверняка потеряли след. Так что в ближайшее время ожидать визитёров не придётся. По крайней мере, до сегодняшнего вечера точно. Кстати, вот ваши документы.

Ракеш положил на стол плотный конверт.

– Тут водительское и паспорт.

К чему тогда этот цирк возле входа в кафе? Ракеш производит впечатление серьезного человека, и в то же время эти дурацкие шпионские игры. Зачем?

– Что-нибудь вспомнили?

Манфред продолжал молча есть, оставив без внимания вопросы Ракеша. Он не спешил отвечать, размышляя, знает ли Ракеш о вчерашнем визите незнакомца в его палату? Скорее всего да. А о шприце, который Лист прихватил с собой из больницы? Если Ракеш побывал в номере и порылся в сумке, то знает. Может быть, его новый знакомый уже поза-

ботился о том, чтобы шприц этот бесследно исчез. Ведь Ракеш намекнул, что Манфреда хотят убить. Достаточно взять жидкость на экспертизу и станет ясно – врёт Ракеш, или говорит правду.

– Почему меня хотят убить? – спросил Манфред, вовсе не рассчитывая получить ответ.

– Давайте поговорим об этом в отеле, – неожиданно обнадёжил Ракеш.

***

Войдя в номер, Ракеш сразу же занял стул, развернувшись спиной к свету, и теперь Манфреду, который находился напротив окна, было плохо видно его лицо.

– Значит, все-таки решили прогуляться?

Манфред краем глаза посмотрел на сумку – вроде бы лежит там, где он её и оставил. Видимо и шприц всё ещё на месте.

– А вы против?

– Нисколько. Наоборот, общение вам сейчас только на пользу. Память быстрее вернётся, если вы не будете абстрагироваться от внешнего мира. Ну, рассказывайте, как вам удалось уйти из отеля незамеченным.

– Зачем? Вы и так наверняка всё знаете.

Ракеш рассмеялся.

– Кажется, вы мне не доверяете, Лист.

– Я никому не доверяю.

– Хорошо, давайте начистоту. Я знаю, как вы выбрались из окна клиники. Знаю, как добрались сюда и устроились в отеле. Знаю, что вчера ночью у вас в палате был гость. Знаю так же, что в кармане вашей куртки заряженный пистолет, а у меня, – Ракеш встал и вывернул карманы брюк, – а у меня оружия нет.

– Ну и как я могу вам доверять, если вы следите за мной?

– Я делаю это в целях вашей же безопасности.

– Хотите сказать, что при случае сможете мне помочь?

– Ну, возможно... скажите лучше, приступы головной боли у вас были?

Манфред кивнул.

– Хорошо. Вы вспомнили что-нибудь?

– Кое-что.

– А именно?

– Я знаю русский. Прочитал вывеску на улице. Там было что-то про русскую еду... закуски, кажется.

Ракеш откинулся на спинку стула. Если бы Манфред мог хорошо видеть лицо собеседника, то наверняка заметил, что Ракеш несколько озадачен.

– Что-то ещё?

Манфред подумал, что не стоит рассказывать Ракешу о Эйгере. И даже о тех странностях, которые он замечал в одежде и поведении людей. Пускай сначала Ракеш выполнит своё обещание.

– Вы сказали, что знаете, почему меня хотят убить. Кроме

того, мне позарез охота узнать, почему вы так обо мне печётесь, Ракеш.

– Вы чего-то не договариваете, Лист. Вы наверняка вспомнили нечто важное. Как я могу быть с вами откровенным, если вы скрытничаете?

– Как знаете...

Манфред встал и сделал вид, что не собирается дальше вести разговор. Он пожал плечами, безучастно посмотрел на Ракеша и лег на кровать, как был – в одежде. Ему и в самом деле захотелось тут же закрыть глаза и уснуть, так что и притворяться почти не пришлось. Видимо, достоверность его поведения заставила Ракеша заёрзать на стуле. Манфред уже проваливался в сон, когда почувствовал, что рядом с ним на постель упал какой-то предмет. Он открыл глаза и посмотрел сначала на Ракеша, а потом на одеяло.

– Знакома вещица?

Ракеш, предвкушая реакцию Листа, улыбался. На тёмном силуэте его лица Манфред различил два ряда белых зубов и белки глаз, вылитый Мефистофель. Не хватало только дыма из ноздрей.

«Этот чёрт опять разбрасывается козырями», – подумал Лист и взял в руки металлический стержень с насечками на одном конце, и небольшим кольцом на другом. Внимательно рассмотрел.

– Морковка, – сказал он.

– Что?

– Ледовый крюк. Морковка, – повторил Манфред. – Для страховки на ледниках.

– Бинго! Пиковая восьмёрка!

Манфред усмехнулся. Сел на кровати, продолжая вертеть в руках крюк. Ракешу определённо удавались его фокусы. Но Лист не спешил рассказывать ему о том, что вспомнил в кафе. На этот раз он хотел вытянуть из Ракеша больше ответов, поэтому, как мог, растягивал время. И, как оказалось, не напрасно.

– Могу сказать, что морковка эта не совсем свежая, Лист.

– В смысле...

– Этот крюк изготовлен ещё до второй мировой... Прошу прощения, вам это скорей всего ни о чём не говорит.

– Я не совсем понимаю...

– Сейчас объясню. Это очень старый предмет. Такими крюками не пользуются уже лет пятьдесят, если не больше. Однако, вы попали в точку! Именно так его в то время называли. В профессиональных кругах. Разве не странно?

Манфред ещё раз взглянул на крюк. Взвесил, переложил из одной руки в другую, как будто ждал от видавшей виды железяки ответов на вопросы. Определенно, металл ожил в его руке. Появились звуки, картинки.

Ракеш хотел сказать ещё что-то, но Манфред остановил его жестом руки и закрыл глаза.

Палатка была пуста. Наверное, Вилли и Эди ушли ещё до

восхода, не разбудив его. Он прошёлся по лагерю, поговорил с итальянцами. Так и есть: австрийцы ушли часа в четыре утра, а Куриц и Хинтеритойссер вышли из лагеря и того раньше – в два часа ночи. Фред оглядел палаточный городок. То, что французы и итальянцы отказались от восхождения, несколько его не радовало. Наоборот, он чувствовал себя в этой компании неудачником и трусом.

Судя по времени, от начала подъёма прошло уже больше четырёх часов, и обе группы должны были быть как раз у Красного зеркала. Фред заслонился ладонью от солнца и посмотрел в сторону горного отеля. Можно попытаться выпросить у кого-нибудь из туристов телескоп или хотя бы бинокль, чтобы понаблюдать за восхождением со смотровой площадки.

Вся площадка была заполнена газетчиками и просто зеваками, телескопов на всех не хватало, и какое-то время Фред слонялся в толпе, изнывая от нетерпения и глядя по сторонам. За одним из столиков он заметил офицера. Тому, видимо, наскучило наблюдать за альпинистами, и он неспешно потягивал пиво из кружки с гербом Берна. Прямо перед ним на столе лежал полевой бинокль.

– Вы разрешите, герр лейтенант?

– Конечно.

Равнодушно пожав плечами, офицер протянул возжеленный бинокль Фреду.

Как раз вовремя, потому что Хинтеритойссер пытался

пройти траверсом под Красным зеркалом. Подняться вертикально в этом месте не позволяла совершенно гладкая и отвесная стена Зеркала. Фред увидел, что Вилли и Эди теперь идут в одной связке с немцами. Видимо в процессе восхождения они решили объединиться. Андреас Хинтерштойссер маятником раскачивался из стороны в сторону, резким толчком переместился далеко влево и ухватился за выступ.

Многие, находившиеся на смотровой площадке, зааплодировали, и Фред, оторвавшись от бинокля, посмотрел в сторону офицера. Тот встал было из-за столика, но тут же махнул рукой и плюхнулся обратно, ухватившись за пивную кружку. Тем более что рядом с ним уже сидела молоденькая остроносая фройлен.

– Наслаждайся, – сказал он Фреду, и положил руку на плечо девушки.

Фред снова припал к окулярам. Андреас закрепил верёвку, и остальные трое альпинистов прошли по пути, проложенному Хинтерштойссером.

– Если так и дальше пойдёт, то днем они уже будут мочиться с вершины Эйгера, – пошутил один из газетчиков, наблюдавший за восхождением в мощный телескоп. За спиной Фреда раздался смех, и кто-то из присутствующих добавил:

– Фюрер сказал, что в Альпах осталось только две проблемы: Северная стена Эйгера и Курт Шушниг. Ну, с первой

проблемой, надеюсь, завтра будет покончено, а как быть с канцлером?

По толпе прокатился хохот. Фред поморщился. Смех и пустая болтовня репортёров его раздражали. Частично из-за того, что он сам был тирольцем, но гораздо больше по другой причине – кто-то из альпинистов снял перильную верёвку, проложенную Андреасом. Казалось бы, ничего серьёзного не произошло, они наверняка будут спускаться другим, более лёгким маршрутом. Фред как мог, успокаивал себя, но холодок тяжёлого предчувствия зародился в его душе.

Во второй половине дня снег на вершине начал таять, и падал вниз вместе с вмёрзшими в него кусками скальной породы. Один из альпинистов попал под камнепад и теперь передвигался с большим трудом. Фред долго не мог разобраться кто именно, но когда вся связка разбила бивуак на небольшой площадке первого ледника, он с уверенностью мог сказать, что это был Вилли.

Фред опустил бинокль и обернулся. Офицера и его спутницы за столиком уже не было.

На сегодня интрига была закончена. Теперь им придётся заночевать на Эйгере, завтра все четверо будут на вершине. Часа четыре займет спуск по восточному склону, может меньше. Значит, завтра вечером они вернутся в лагерь.

Фред прошёл вдоль невысокой ограды и остановился в двух шагах от группы альпинистов, беседовавших с местным гидом. Тот отвечал с важным видом и при этом пых-

тел в пышные усы, пожимая плечами при каждом вопросе, независимо от того, знал ответ или нет.

– На сегодня всё, насколько я понял? Вершина откладывается? – спросил один из парней, самый молодой из всех.

– Будут ночевать на леднике.

– Веревку зачем сняли?

– Может у них лишней нет... Не знаю.

– Зря сняли, – мрачно сказал кто-то из альпинистов. – Возвращаться тем же путём придётся. Время только потеряют.

– С чего ты взял? Спустятся по восточному склону.

– Да куда там... Им придётся идти назад той же дорогой.

Австриец еле ногами ворочает. Они вверх не пойдут, это точно. Рампу им не одолеть.

«Пойдут. Надо знать Вилли», – подумал Фред, но промолчал. Вмешиваться в разговор не хотелось, и он направился в палаточный городок.

Манфред выронил крюк, который с глухим стуком ударился о пол. Ракеш всё так же сидел на стуле, спиной к окну. Казалось, он даже позу не поменял, настолько внимательно следил за Манфредом. Наконец решился нарушить молчание.

– Как морковка? Сработала?

Манфред поднял с пола ледовый крюк и бросил его в

сумку. На глаза ему снова попался небольшой пластиковый шприц. Он решил не говорить Ракешу ничего, пока не выяснит, насколько ему можно доверять. А для начала нужно узнать содержимое этого самого шприца. Лист вытащил шприц, достал *Вальтер* и направил ствол на Ракеша. Тот улыбнулся и развёл руками.

– Да, давайте добавим сцене трагизма. Послушайте, Лист... Чёрт!

Манфред сделал несколько шагов к двери, продолжая держать Ракеша на прицеле.

– Я не собираюсь вас убивать, кем бы вы там ни были. Я просто хочу, чтобы вы оставались в номере, пока я не вернусь в отель. И не нужно за мной следить, Ракеш. Я вернусь... обещаю.

Лист дернул за телефонный шнур, вырвав с корнем розетку, спрятал пистолет и вышел.

***

В ближайшей больнице ему просто отказали и даже не назвали причины. В аптеке, что попалась на пути, не оказалось оборудования и необходимых реагентов, но стоявшая за прилавком девушка окликнула Манфреда, когда он уже толкнул стеклянную дверь на улицу. Вышла из-за витрины и почти побежала по залу, поскользнувшись перед самой дверью. Листу пришлось придержать её за локоть.

– Вот, – девушка поправила волосы и протянула Манфре-

ду небольшой листок, – это независимая лаборатория, тут неподалёку. Думаю, они смогут вам помочь.

– Спасибо.

Манфред взял визитку и, воспользовавшись паузой, внимательно рассмотрел на девушку. Брюнетка с короткой стрижкой. Тёмные глаза и тонкие брови. Её можно было назвать стопроцентной красавицей, если бы не слегка крупноватый для её лица нос.

Выйдя на улицу, Манфред оглядел зал аптеки через прозрачную витрину. Увидел, как девушка повернулась в его сторону и улыбнулась.

Манфред обернулся ещё раз, когда поворачивал за угол, решив, что обязательно вернётся сюда, если обстоятельства позволят.

Через пару кварталов он отыскал нужный адрес, вошёл и направился к невысокой стойке в углу холла.

– Мне нужно узнать, что внутри.

Манфред положил шприц на стойку.

Вся процедура заняла не больше четверти часа. В приёмную вышел пожилой мужчина, в одной руке он держал шприц, в другой лабораторное заключение, которое тут же протянул Манфреду.

– Что там? – спросил Лист, одновременно пытаясь разобрать мелко отпечатанный текст.

– Пентотал, – ответил мужчина, – довольно сильный нар-

котик. Относится к препаратам для внутривенной анестезии. Практически отсутствуют побочные эффекты... Ну, если вводить небольшую дозу. Жирорастворимый... Что ещё вас интересует?

– Убить при помощи него можно?

Мужчина пожал плечами и уставился на Манфреда. Поправил очки и засунул руки в карманы халата. Листу показалось, что мужчина несколько напуган и нервничает.

– Я вас не понимаю.

– Если ввести весь шприц? Можно ли убить? Что непонятного?

Мужчина надул щёки и несколько раз покачнулся взад-вперёд на каблуках. Вытащил руки из карманов и, не придумав, что с ними делать дальше, сцепил их за спиной.

– Нет, конечно. Количество может повлиять только на скорость получения нужного эффекта.

– Какого эффекта? – Манфред уже начинал терять терпение.

– Ну... замедление реакций организма, я не знаю... п-перед операцией. Как вам ещё о-объяснить?

От волнения мужчина начал заикаться.

– Снотворное?

– М-можно и так сказать.

***

Манфред открыл дверь и неслышно вошёл в номер.

Ракеш сидел за столом, раскачивался и перебирал пальцами белые блестящие четки. Глаза его были закрыты, губы беззвучно шевелились. Манфред кашлянул в кулак и Ракеш приоткрыл один глаз. Приподнялся, спрятал в карман четки и снова опустился на стул. Лист разместился напротив.

– Быстро вы...

Манфред не ответил. Достал из кармана шприц, положил на стол. Пристроил рядом *Вальтер*. Даже с предохранителя снял для убедительности. Ракеш рассеянно следил за Листом, демонстрируя полную незаинтересованность.

– Как вы объясните вот это? – спросил Манфред и кивнул на шприц.

– Я не знаю, о чём вы...

– Знаете! Убить этим не получится при всём желании.

– Послушайте...

– Я только что сделал анализ. Это не яд, Ракеш. Это снотворное.

– И что?

– А то! Меня никто не собирается убивать, вот что! Кто эти люди и за чем они охотятся? Что им от меня нужно? Наверное, то же, что и вам, я правильно понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.